

Колдовские миры

КИРА ИЗМАЙЛОВА

С феями шутки плохи

Annotation

Жила-была девушка с теткой и ее дочерью. Прислугой в собственном доме. И не было у нее феи-крестной, которая пообещала бы ей бал и настоящего принца... Однако фея явилась, когда в ее игре с принцем девушка по имени Маргрит понадобилась на главную роль. Кто ж спорит, участвовать в играх фей — дело опасное, особенно если в какой-то момент решаешь играть по своим правилам. Вот и Маргрит как чувствовала, что ничем хорошим эта затея не обернется, но и предположить не могла, сколько судеб она изменит, сколько дорог придется истоптать и чем заплатить за свое счастье...

Кира Измайлова

С феями шутки плохи

— Натаскаешь воды — сбегай в лавку да купи чечевицы. А еще муки, только не бери первую попавшуюся: сперва проверь, нет ли там жучков! И еще купи два отреза ткани.

— Конечно, тетушка, — ответила я и подхватила ведра. — Что прикажете брать?

— Синюю шерсть, ты знаешь, какой оттенок я люблю, и тафту, посмотришь, какие есть расцветки, выберешь немаркий, — решила она.

— А деньги?

— Неужто ничего не осталось в горшке? — всполошилась тетушка и запустила внутрь пухлую ручку. — Три медяка! А ведь еще вчера...

— Вчера вы приказали купить окорок и копченые колбаски у господина Гродни, а еще новую книгу для Агаты, — напомнила я и добавила: — Я торговалась, но на книгу не хватило.

— Ну так сказала бы, чтоб записали в долг! — сказала тетушка.

— Лавочники отказываются давать в долг, — ответила я не без злорадства, — до тех пор, пока вы не заплатите по счетам.

— Это невыносимо! — простонала она. — Все, поди прочь... Мне нужно подумать.

Я прекрасно знала, о чем она будет думать: у кого бы занять еще денег, чтобы раздать предыдущие долги. Надеюсь, ее талантов хватит еще хотя бы года на два, иначе дом пойдет с молотка, а нам придется идти побираться. Вернее, им с кузиной придется, я-то могу наняться хотя бы прачкой или судомойкой... Вот только пока я не достигну совершеннолетия, тетушка — официальный мой опекун — имеет право забирать хоть весь мой заработок. Ну а когда срок опеки истечет, я в лучшем случае получу свой заложенный и перезаложенный дом, который придется срочно продать, чтобы рассчитаться с кредиторами, и... Собственно, все.

Тетушка не родная мне — это вдова кузена моего покойного отца. Он, узнав о своей болезни, поторопился подыскать кого-нибудь из родни, кто смог бы взять меня на попечение после его кончины. Увы, близких родственников у нас почти не осталось. Прочие либо не могли или не желали брать на себя ответственность, и единственной, кто согласилась, была тетушка Эмилия. Поначалу я даже порадовалась: матушку я помнила очень плохо, братьев и сестер у меня не было, а у тетушки имелась дочь. Правда, она оказалась моложе меня на три года, но я полагала, что это несущественно, и надеялась подружиться с нею.

Увы, я ошибалась. К моменту переезда в наш скромный дом Агата казалась сущим ребенком, она привезла с собою даже своих кукол и живо завладела моими. Я давно с ними не играла, оставила на память, но все же было немного жаль расставаться с верными подругами. Впрочем, ссориться из-за такого пустяка не стоило, и я промолчала. Одну только игрушку приберегла: это была Фея Ночи, папа купил ее на мой десятый день рождения, а платья для куклы сшила мама. Эту я спрятала подальше.

Тетушка твердой рукой взялась за хозяйство и живо изгнала двух служанок, а потом и приходящую кухарку. С уборкой тоже предстояло справляться самим. Приходящую горничную, сказала она, мы не можем себе позволить, хотя соседка предлагала прибираться за сущие гроши. На лекарства для отца уходило много средств, и, как ни пыталась тетушка экономить решительно на всем, деньги утекали как вода...

«Ты же знаешь, что она уморила твоего отца голодом», — сказал безжалостный

внутренний голос.

Я молча согласилась. Он мог есть, понемногу, но мог. Я могла бы кормить его по часам, но кто бы тогда делал работу по дому? И что такое жидкий бульончик, якобы предписанный доктором? На этом никто долго не протянет! Я ходила бы к нему по ночам, но как было приготовить хоть что-то, если продукты тетушка выдавала лично? Я отдавала свою еду, но отец отказывался, явно понимая, откуда взялась лишняя порция каши.

На смертном одре отец походил на обтянутый кожей скелет.

«Ты знаешь, что доктор сказал неправду», — добавил внутренний голос.

Я знала. Не представляю, сколько заплатила ему тетушка, но он прописал отцу какое-то снадобье, от которого тот подолгу спал, и чем больше слабел, тем тяжелее становилось разбудить его и накормить. Я узнала об этом, разговорившись с помощником аптекаря, когда пришла с рецептом: парнишка удивился этакой дозе препарата. Я бы вылила эти микстуры или хотя бы разбавила вдвое, но тетушка держала их под замком и сама отсчитывала капли в стаканчик, не доверяя неразумной девушке...

Так прошел год. Мне было всего шестнадцать, когда умер отец. Немного позже внутренний голос объяснил мне, что произошло на самом деле — времени на раздумья у меня было предостаточно: чем еще заняться, когда моешь посуду, драишь полы, готовишь или стираешь? На книги у меня теперь не было времени — ведь приходящую кухарку рассчитали, стиральной теперь занималась тоже я. Зато для Агаты пригласили наставницу: тетушка не сочла возможным отдать дочь в школу, где та могла оказаться рядом с неумытой простолюдинкой.

Я молчала.

Молчала, когда из моей спальни сделали классную комнату для Агаты, а меня отправили в комнату для прислуги. Молчала, когда пришлось взвалить на себя всю работу по дому. Не отвечала, когда тетушка отчитывала меня за непомерные траты, только показывала ею же составленный список, где отмечала, во что обошелся этот товар.

Только вот тетушка не догадывалась, что вместо колбасок от господина Гродни я приношу колбаски с фермы своей старой няньки, которая продает их куда дешевле, да и окорок лучше купить у ее соседа. Разницу я забирала себе, считая, что имею на это полное право, раз уж тетушка живет в моем доме и использует меня вместо прислуги.

Разумеется, когда тетушка громко хвалила изделия господина Гродни, тот таял и даже не вспоминал, что Маргрит давненько уже не посещала его лавку, а если и заходила, то только прицениться...

Колодезный ворот надсадно скрипел, покуда я опускала ведро в колодец и доставала воду.

Помнится, я хотела сбежать, но вовремя передумала. Бежать было некуда. Близкой родни нет, до дальней так просто не доберешься, пусть и удалось скопить немного денег, да и вряд ли мне там обрадуются. Единственный выход — найти мужа. Вот только пока я несовершеннолетняя, тетушка не даст согласия на мой брак и приданого тоже не даст, а меня и с приданным не всякий возьмет.

Во мне всего чересчур, как и в тетушке Эмилии. Но если та была чрезмерно полна, слишком громко смеялась, много говорила, очень ярко одевалась, любила общество, то я... Слишком высокая, слишком худая, слишком мрачная, нелюдимая и молчаливая, слишком смуглая и некрасивая, а про одежду нечего и говорить: я несколько лет донашивала свои

платья, пока соседки не намекнули тетушке, мол, неприлично девушке носить настолько короткую юбку, уже не только щиколотки, а и лодыжки видно! Тогда она от щедрот подарила мне два траурных наряда со своего плеча — траур она носила по мужу и моему отцу. Потом, правда, спохватилась и потребовала вернуть, но было поздно: я уже ушила платья по себе и надставила подола — тетушка была почти на голову ниже меня. С тех пор обновок я не видала. Ну да с моей жизнью не растолстеешь, а расти — я уже не расту.

— Эй, девушка! — окликнул кто-то, и я услышала стук подков. — Подай-ка напиток!

— Вон колодец, сударь, вон ведро, — кивнула я, отставляя свое. — Достаньте воды да пейте сколько влезет.

— А что это ты такая неласковая, девушка? — спросил он, соскочив с коня. Конь был хорош — серый в яблоках красавец с длинной гривой, а уж сбруя какова! Да и сам проезжий оказался недурен собой и одет весьма пышно. И свита при нем имелась, стало быть, не простой горожанин.

— Показать почему, сударь? — спросила я.

— А покажи! — подбоченился он.

— Держите, — просто сказала я и сунула ему в руки ведро с водой. Должно быть, он не ожидал такого, потому что едва не уронил его. Расплескал так уж точно.

— Однако... — сказал он, глядя на мокрые перчатки. — И ты носишь такую тяжесть каждый день?

— Несколько раз на дню, сударь. Постирать можно и в реке, скотину напоить тоже, но сам пить не станешь, а дождевой воды надолго не хватает.

— Вот как... А можно мне попробовать? — спросил вдруг он. — Все едино перчатки испорчены!

— Пожалуйста, сударь, — кивнула я на колодец. — Извольте зачерпнуть.

— А... как?

В свите послышались смешки, но жест одного из телохранителей — я решила так, потому что он и еще трое постоянно глядели по сторонам, — заставил челядь умолкнуть.

— Вот ведро, вот колодец, — повторила я. — Приступайте, сударь.

Он все же взял ведро, оглянулся на меня, на своих спутников и осторожно отпустил его. Ведро повисло на веревке.

— Ворот отпустите, — подсказала я. — Да осторожней, сударь!

Раскрутившийся ворот чуть не выбил ему зубы. Глубоко внизу послышался плеск.

— Ну а теперь беритесь за веревку, зачерпните воды да поднимайте ведро. Заодно и мне второе нальете, — сказала я.

Молодой человек взялся за ворот — силы ему было не занимать, — только поднял от силы полведра, черпать-то не умел. Правда, забава ему понравилась, поэтому он добыл еще воды, долил мои ведра до краев и наконец напился сам.

— Красавица, а тебе помощь не нужна? — спросил он еще одну девушку, подошедшую с другой улицы.

— Спасибо, сударь, я справлюсь сама, — улынулась та.

— Ну что ты, мне ведь нетрудно...

Я же подхватила свои ведра и отправилась домой.

Я знала эту девушку, и если бы мы не были настолько непохожи, решила бы, будто мы сестры-близнецы. Обе лишились матерей в раннем детстве, у обеих были любящие отцы, умершие совсем недавно, и оба они привели в дом чужих женщин, полагая, что так будет

лучше. Правда, меня дома поджидали лишь тетушка с кузиной, а ее — мачеха с двумя сводными сестрами.

Ее отец был купцом не из бедных, но, увы, умер в странствии, оставив супруге не такой уж малый капитал. Мой — всего лишь ювелиром, который тоже кое-что мне завещал. Я не бежала из дома до совершеннолетия еще и по этой причине: лишь мне было известно, где отец спрятал матушкины драгоценности и многое другое. Однако появившись я с этим богатством в нынешнем положении, не миновать мне неприятностей. Да еще и тетушка заявит, что я ее ограбила! Нет уж, я терпела три года, выдержу еще немного... Денег от продажи того сундучка хватит, чтобы расплатиться с долгами и жить безбедно. Ну а тетушку с племянницей я, возможно, оставлю прислугой...

Позади, возле колодца, та девушка смеялась вместе с дорогим одетым молодым вельможей — а в том, что это именно вельможа, я уже не сомневалась. Она была веселая, славная, только одного я не могла понять: отчего всегда такая чумазая? Ей бы хоть умыться да причесать роскошные светлые волосы, и на застиранное серое платьишко никто и не взглянет! У меня не меньше работы по дому, но отец наказал мне выглядеть достойно, что бы ни случилось. Пусть платье старое, перелицованное, но чистое, фартук всегда выстиран... Тетушка ведь не станет проверять, что именно я понесла в бельевой корзине к реке! Высушить одежду можно и на чердаке, а уж когда я глажу, никто и близко не сунется! Чулки заштопаны, но тоже чисты — спасибо, у меня маленькая нога, и Агатины старые чулки мне прекрасно подходят, не то пришлось бы надевать ботинки на босу ногу. Руки, конечно, не те, что пристало бы иметь девушке из хорошей семьи, но с этим я ничего поделать не могу. Зато осанка — королеве впору. Потаскай коромысло с мое — тоже такой обзаведешься.

Ну а Элла — она бесспорно красива, вот только за собой не следит...

— Боже мой, ну сколько тебя можно ждать? — встретила меня тетушка. — Деньги в горшке. Купи что я велела, да пошевеливайся! И... книгу не надо.

— Мама! — вскрикнула Агата.

— Или книга, или платье, — отрезала мать. — Выбирай.

— Платье, мама, — вздохнула кузина.

— Я так и думала... Маргрит! Сбегаешь в лавку, приберись и приготовь что-нибудь на завтра. Потом можешь отдохнуть: ужинать мы будем у господина Шилле, он пригласил нас на именины.

— Будут танцы! — добавила Агата.

— Вот-вот... Кстати, прежде чем идти в лавку, выглади нам выходные платья... А прибирайся как следует, завтра господин Шилле с сыновьями придут с ответным визитом!

Я пожала плечами и взялась за работу. Надо ли говорить, что уборка затянулась до позднего вечера? Дом не так уж мал, и пусть половина комнат закрыта, там тоже нужно было протереть пыль, проветрить и взбить постели: вдруг гости решат остаться на ночь?

Накормив кур, полив огород — многие устраивали такие на задних лужайках, уж лук с чесноком, пряные травы, морковь с капустой и пару тыкв там вырастить было можно, — приготовив ужин и перекусив остатками обеда тетушки и кузины, я села на ступеньку заднего крыльца и смогла наконец расслабиться.

— Девочка, подай на пропитание... — проскрипел старческий голос.

У калитки стояла сгорбленная нищенка.

— Я бы рада, да у меня денег нет. Вот, осталась только сухая горбушка на завтрак, — ответила я. — Могу еще яблочко нарвать.

— А не отсюда ли... — она потянула носом, — так славно пахнет печеным окороком?

— Это хозяйский, — ответила я. — И не проси меня отрезать хоть кусочек, бабуля, не то мне голову оторвут.

— Своя рубашка ближе к телу? — хихикнула она.

— Несомненно. Впрочем... — задумалась я, — погоди-ка, бабуля. Входи да присядь пока.

Я знала, в каких кустах прячутся беглые куры, и пару яиц найти смогла.

— Могу еще молока плеснуть, бабуля, но немного, заметят недостачу, — сказала я, вручив ей добычу.

— Нет, от молока мне делается дурно, обойдусь водицей, — хмыкнула она.

Яйца она выпила сырыми, я тоже иногда так делала, когда донимал голод.

— Вот спасибо, девочка... Хлебушком не поделишься?

— Вам его не угрызть, — сказала я, постучав горбушкой по ступеньке.

— Ничего, водичкой размочу, — хихикнула старуха. — С яблоком-то так не выйдет!

Я подумала и разломила хлеб пополам.

— Ею и целой не наешься, — сказала я, — а так хоть какая-то видимость справедливости.

— Неужто ты веришь в справедливость, девочка? — прищурилась старуха. Странно, но от нее совершенно не пахло. Вообще ничем, даже тем, чем обычно воняет от бродяг.

— Не верю, — ответила я. — Но я ее добыюсь.

— Хочешь, помогу тебе?

— Не нужно, — сказала я. — Пройдет еще полтора года, и вот тогда...

— Тогда ты поймешь, как опрометчиво отказалась от помощи, — завершила нищенка. — Сперва тебя одолеют кредиторы, потом ты продашь дом, выплатишь долги и останешься ни с чем, а бесприданниц твоего возраста и так пруд пруди. Пойдешь в горничные? В кухарки?

— И кто же вас подослал? — спросила я с интересом. — Кто-то из бывших коллег покойного отца? Или знакомые тетушки Эмилии? Передайте: они могут не беспокоиться о моем будущем. В крайнем случае я всегда могу уйти в монастырь послушницей, благо работать на огороде, шить, готовить и ухаживать за больными я умею, грамоту знаю, ну а молиться как следует меня научат.

Нищенка вдруг расхохоталась — неожиданно звонко для такой старухи.

— Ну вот ты и нашлась, — сказала она совсем другим тоном. — Красивое имя — Маргрит. Мне нравится, да и тебе подходит. А еще, девочка, мне кажется, ты достойна лучшей участи...

— Скажите еще, что вы — моя фея-крестная, — улыбнулась я, даже не спросив, откуда ей известно мое имя, — и явились восстановить справедливость и вернуть мне то, что у меня отняли!

— Крестной я быть никак не могу, — ответила старуха из-под капюшона. — А фея у тебя уже есть, не так ли?

Я вспомнила свою куклу и невольно кивнула.

— Береги ее, как берегла до сих пор. И никогда не бросай!

Нищенка откинула капюшон, и я невольно отшатнулась.

Вместо сморщенной старухи на меня смотрела поразительной красоты женщина средних лет, только вот красота эта одновременно завораживала и пугала.

Это была Фея Ночи.

— Раз уж вы тут, — сказала я, взяв себя в руки, — а хозяев нет, думаю, можно свернуть шею цыпленку и свалить это на соседского кота. Не желаете отведать свежей курятины?

— Да нет, пожалуй, не стоит... — протянула она, поднявшись на ноги. Я встала — и оказалась на голову ниже. — Не рискуй зазря.

— А разве это было бы зря?

— Вижу, девочка, ты удалась не в отца, — улыбнулась она. — Он никогда не видел выгоды у себя под носом...

— Зачем я вам? — спросила я прямо.

— Иди сюда... — Фея поманила меня обратно на ступеньку крыльца и села, окутав нас обеих облаком черного тумана, мягкого, как шелк, с просверками звезд где-то там, вдалеке. — Я не крестная тебе, Маргрит, и не помощница. Я не могу подарить тебе волшебную силу, красоту или хотя бы превратить твоё платье в бальное. Но... — Она помолчала. — У меня есть к тебе просьба, и если ты выполнишь её — не пожалеешь. С долгами я привыкла расплачиваться сполна.

— Что же вам угодно, сударыня? — спросила я. — И что я получу взамен?

— В том-то и дело, Маргрит! Я не знаю, что именно от тебя потребуется, ещё не вижу, все в полной темноте... Одно лишь могу сказать точно — где-то поблизости живет девушка. В чем-то вы схожи, но в чем-то — совершенно различны. И вот у нее-то как раз имеется фея-крестная...

— Думаю, я знаю, о ком вы говорите, — подумав, сказала я. — Но что мне делать?

— Это ты поймешь сама. Извини, таковы условия, — пожалала плечами Фея Ночи, и звезды сверкнули в ее волосах. — Ты понимаешь, что такое равновесие?

— Конечно.

— И ты считаешь — это справедливо, когда одним достается все лишь за красивое личико да еще благодаря помощи феи-крестной, а другим — ничего, хотя они того заслуживают?

— О нет... — протянула я. — Кажется, я поняла вас, сударыня. Однако...

— Ты прекрасно смотришься в темном, девочка. И я знаю, у тебя найдется, что надеть к бальному платью. Подумай об этом, время еще есть. — Она встала, взметнув подолом целую россыпь звезд.

— Я соглашусь, как только узнаю, что вы потребуете взамен, — ответила я.

— Мне нужно равновесие, я же сказала, — обернулась Фея Ночи. — Пора... Уже светает, скоро вернутся твои домочадцы. Захочешь узнать что-то действительно важное, спроси у своей куклы, только не делай этого слишком часто!

— Да, сударыня... — проговорила я, глядя, как растворяется сгусток темноты, только что бывший старой нищенкой.

Чашка стукнула о ступени, и я поспешила подобрать ее. Хорошо, не разбилась, а то был бы мне нагоняй...

Тетушка с кухней спали чуть не до обеда, так что и я успела немного вздремнуть. Ну а потом вновь отправилась к колодцу.

Приснилось мне или нет? Вот бы знать...

Я с трудом крутила ворот, вытаскивая ведро, как вдруг почувствовала — он пошел будто сам собою. Скосив глаза, я увидела рядом со своими руками мужскую ладонь в кожаной

перчатке.

— Можешь отпустить, — сказал незнакомец. Он управлялся с воротом одной рукой. Потом перехватил ведро, перелил в мое и снова сбросил в колодец.

— Благодарю, сударь, — вежливо ответила я, — но я управилась бы и сама.

— Я понимаю, — ответил он. — Считаю это проявлением уважения. Ты знаешь такие слова?

— Сударь, вы не поверите, я даже умею читать и могу написать свое имя.

— Тем лучше... — он вылил воду во второе ведро, поднял оба и спросил: — Где ты живешь?

Я указала, и он двинулся в ту сторону. Обученный конь шел за хозяином, как собака.

— Ты не спросишь, как мое имя?

— А разве не мужчина должен назваться первым?

— Должен, девушка, но пока я не могу, — ответил он. — Не имею права.

— Что ж, я в таком случае называться просто не хочу. Зачем вам мое имя? Скажите просто, что вам угодно, да и разойдемся...

Он помолчал.

— Мой господин вчера забавы ради заговорил с тобою у колодца.

— Я поняла и не обиделась. Да и кто я такая, чтобы обижаться на вельможные забавы, — усмехнулась я.

— В самом деле, кто ты такая, чтобы господин посылал меня узнать, не обиделась ли ты? — ответил он. — Дело не в этом. Ты говорила с ним дерзко, но достойно, а следом подошла еще одна девица, которая очаровала его, как он выражается, раз и навсегда...

— Но при чем тут я?

— Господин попросил меня разузнать, что это за девица, но от меня она стремглав убежала. Должно быть, я ее напугал... И я подумал, что ты можешь знать ее имя, и ты вряд ли бросишься бежать.

Я обернулась. Он внимательно смотрел на меня. Лет ему было... наверное, около тридцати, а может, и больше. Лицо породистое — такой профиль только на монетах чеканить! — а одет не хуже того вельможи, очень дорого, только дороговизна эта не была выставлена напоказ. Никакой негнущейся златотканой парчи и ожерелий в три ряда, наряд темный, со скудной вышивкой, сбруя у лошади тоже серебром не сияет, однако сразу видно — не простого это полета птица.

— А что сделает с ней ваш господин? — спросила я. — Неужто возьмет во дворец полы мести?

— Это ему решать, — был ответ.

— Сколько? — спросила я.

— В каком смысле?

— Сколько вы заплатите за то, чтобы я назвала ее имя и, возможно, даже показала, где она живет?

— Золотого тебе хватит? — прищурился мужчина.

— Боюсь, нет, сударь, — ответила я. — Прошу простить, у меня работы по горло. Отдайте ведра, да я пойду, не то меня накажут... А про ту девушку спросите кого-нибудь другого.

Он поставил ведра наземь и молча смотрел, как я цепляю их на коромысло.

— Десять золотых, — сказал он вдруг, и я чуть не расплескала воду. — И ответ еще на

один вопрос. Не о той девушке.

— Ну что ж... Это достойная плата. Обождите здесь, сударь, мне нужно отнести домой воду и подать завтрак. Потом пойду в лавку, и по дороге расскажу вам, что знаю.

— Хорошо, — кивнул он, — жду тебя на этом месте.

Никогда еще я так не радовалась, что дорога к дому идет под горку! Зимой, конечно, карабкаться наверх несладко, да и обратно с полными ведрами идти тяжело, знай не оскользнься, зато сейчас я слетела вниз птицей.

Десять золотых! Для меня это целое состояние! Нужно было поторговаться еще, господин этот явно оказался из тех, кто не знает счета деньгам...

Я быстро собрала на стол — тетушка с кузиной только изволили спуститься к завтраку, — выгребла из расходного горшка мелочь и сказала, что иду в лавку за солью, потому как у нас ее почти не осталось.

— Нужно следить за припасами, — заворчала тетушка. — Какая из тебя хозяйка, если ты не знаешь, что соли нет? А если бы ты уже суп на огонь поставила? Бегом бы побежала? Живо иди!

Я кивнула, бегом поднялась в свою комнату, якобы за шалью, а сама достала из тайника куклу. Конечно, она вовсе не походила на вчерашнюю гостью, но...

— Рассказать этому вельможе об Элле? — спросила я, и мне показалось, будто голова куклы немного повернулась. — Не нужно? Или не говорить всей правды?

Теперь мне померещилось, будто она подмигнула нарисованными глазами. И понимай как знаешь... Я вздохнула, положила ее на место и выбежала из дома.

— Ты не торопилась, — встретил меня незнакомый вельможа. Конь его пасся поодаль, но подошел на свист.

— Я себе не хозяйка, сударь, — ответила я.

— Ясно... Итак, кто та девушка?

— Пока не увижу денег, ничего не скажу, — сказала я, и на солнце засверкали золотые монеты.

— Имя! — приказал мужчина.

— Элла.

— Кто она? Из какой семьи? Впрочем, по одежде видно, что прислуга, но...

— Что — но, сударь?

— Ты тоже вроде бы прислуга, девушка, но руки у тебя, — он поймал меня за запястье, — хоть и не ухожены, но явно принадлежат не крестьянке.

— Еще десять золотых, и я поведаю вам свою историю со всеми подробностями, сударь, — спокойно ответила я, выдернув руку из его пальцев.

— Ты еще эти деньги не отработала. Повторяю: кто такова эта Элла?

— Сирота, — сказала я, тщательно подбирая слова. — Живет она при мачехе, и жизнь у нее похуже моей. Меня хотя бы по имени называют, а не обидным прозвищем...

— Каким? — заинтересовался он, а я вдруг взглянула на него в упор.

Вельможа был темноволос, как и я, с загорелого лица смотрели пронзительно-черные глаза, да и одет он был в темное. Вчерашний юноша, помнится, был куда симпатичнее: синеглазый, с непокорными русыми кудрями, с ясной улыбкой, красивый и веселый...

— Золушка, — сказала я. — Видели, сударь, как она перемазана? Это потому, что вечно возится у очага.

— Ты, думаю, тоже, но что-то я не вижу на тебе сажи, — заметил он.

— Я приучена содержать себя, как и весь дом, в порядке, — ответила я. — Да и вряд ли хозяйке понравится, если на стол ей будет подавать неумытая замарашка в рваном платье.

— И кто же твоя хозяйка?

— Сударь, за ответы на эти вопросы вы не заплатили, — напомнила я. — Кажется, вы интересовались Эллой?

— Ах да... — вельможа взял коня под уздцы. — Значит, она живет с мачехой?

— Да, и с двумя сводными сестрами. Отец ее умер, разорившись — он был торговцем, я слыхала, — так что ей оставалось лишь стать приживалкой, — чуть покривила я душой, а дальше и вовсе солгала: — Мачеха ее — женщина добрая, она оставила Эллу при себе, хотя могла бы отослать в монастырь: денег у них не так уж много, и это средства госпожи Тинке, а не отца Эллы. Можно ли обвинить ее в том, что она тратится на родных дочерей, а не на падчерицу?

— Просто образец человеколюбия, — хмыкнул он. — Значит, Элла Тинке — дочь торговца, сирота и бесприданница, приживалка у мачехи. Прекрасно.

— Что же в этом прекрасного, сударь? — не удержалась я. Сама от себя не ожидала такого складного вранья; впрочем, не так уж сильно я прилгнула.

— В том, девушка, что моему господину она очень понравилась, а зная его сумасбродство... — Вельможа покачал головой. — Он вполне может увезти Эллу и даже взять ее в жены, а это недопустимо. Надеюсь, узнав о ее происхождении, он передумает... И ты еще не сказала, где она живет.

— В квартале за ратушей, — ответила я, — и это все, что мне известно. Мы не подруги, просто знакомы, как все, кто встречается у колодца.

— Спасибо и на этом, — вздохнул он и высыпал мне в руки золотые монеты. — Что ж, мне пора.

Вельможа сел верхом.

— У вас был еще какой-то вопрос, сударь, — напомнила я. — Не об Элле.

— В другой раз, — сказал он, — я его приберегу, вдруг да пригодится...

Я кивнула и пошла было своей дорогой, да только он окликнул:

— Девушка! Назови свое имя, чтобы я знал, кого спросить, если вдруг понадобится!

— Маргрит, — ответила я, обернувшись. — Люди называют еще Черной Маргрит.

— Ну надо же, — усмехнулся он, — какое совпадение: у меня такое же прозвище...

Прощай!

Он пришпорил своего гнедого, тот взял с места в карьер, и в мгновение ока всадник пропал из виду.

«Такое же прозвище? — подумала я. — Любопытно, кто же он такой? Наверняка знатный человек и не бедный...»

Впрочем, мне-то какое дело? Золотые монеты приятно грели руки, и я спрятала их за корсаж. Подыщу тайник, как вернусь домой... Можно было бы оставить в дупле, вон как раз приметное дерево, но я не хотела рисковать. Зарю лучше в птичнике, туда тетушка с кузиной не войдут, а деньги не пахнут...

Глава 2

Поздно вечером, как обычно, я отправилась запереть птичник и проверить, надежно ли закрыта калитка. Тетушка вязала у камина, а кухня как вцепилась в книгу, так и не смотрела по сторонам. Каюсь, я давно вступила с ней в преступный сговор — Агата выклянчивала у матушки деньги якобы на сладости, ленты и кружева, отдавала их мне, а я носила ей потрепанные книги из лавки старьевщика: о чудесах, прекрасных принцах, волшебниках, феях, драконах и единорогах. Кое-где не хватало страниц, а то и окончания, но это всяко было лучше, чем нравоучительные романы! А сладкое Агате не на пользу — станет есть конфеты и пирожные, сделается похожей на свою матушку.

Я спрятала деньги, загнала кур и заперла птичник. Можно было умыться и лечь спать, но...

— Очень даже неплохо для первой попытки, — тьма рядом со мною сгустилась. — Весы качнулись в обратную сторону. Не останавливайся на достигнутом, Маргрит. Думаю, мы сумеем уравнять чаши весов.

— А если перевесит наша? — спросила я.

— Тогда я тебя убью, и равновесие восстановится, — улыбнулась Фея Ночи и ласково потрепала меня по щеке. — Иди спать, детка. И подумай, как следует подумай о том, что будешь делать завтра... И нет, я не имею в виду стирку и стирпню.

— Что же еще мне остается?

— Я говорила, что не могу помочь тебе и наколдовать что-нибудь... — Фея склонилась ко мне и шепнула: — Но рассказать о чем-то могу, это уже не секрет.

Меня пробрал озноб от этого шепота, и я спросила, обхватив себя руками:

— О чем же, сударыня?

— Через месяц в королевском дворце состоится бал, — ответила Фея Ночи. — Кажется, король твердо намерен женить принца, а поскольку тот упорствует, то... ему поставлено условие: или он выберет себе невесту на балу, или подчинится и женится на той, кого укажет король. Надо ли говорить тебе, Маргрит, что присутствовать будут только самые знатные, самые красивые, самые богатые девушки королевства? — Она негромко засмеялась. — Пускай даже в указе говорится «все незамужние девицы любого сословия», но откуда у бедной лавочницы деньги на бальный наряд? Разве свинарка умеет танцевать, как пристало благородной даме? Подумай об этом...

— Вы желаете, чтобы я... — я запнулась, но продолжила: — была там? Вы говорили о крестной Эллы, и...

— Ни слова больше, — прошептала темнота. — Иди домой и поразмысли хорошенько!

Я вернулась в дом, проверила, затушен ли очаг на кухне, тщательно умылась и отправилась спать.

— С кем это ты разговаривала? — бдительно спросила тетушка, считая петли.

— Нищенка попросила милостыню, — ответила я. — А откуда у меня деньги? Да и поесть дать нечего, самим мало. Я сказала ей пойти к соседям, вдруг у них осталось что-нибудь от ужина? Они ведь собак кормят со своего стола, неужто не найдут корочки хлеба для бедной женщины?

— Да уж, они меры не знают! — согласилась тетушка, яростно орудуя спицами. — А что слышать в городе?

Сама она теперь нечасто выбиралась из дома, разве только на чай к знакомым, которых было не так уж много, либо по приглашению, как к господину Шилле. Ходить и прицениваться к товарам в лавках глупо и смешно, если нет лишних денег. Такое можно позволить себе хорошо если раз в месяц, иначе пойдут слухи, начнут смеяться за спиной... Словом, тетушка предпочитала изображать домоседку, хотя страстно тосковала по общению, ну а слухи приносила ей я.

— Поговаривают, какой-то вельможа положил глаз на падчерицу госпожи Тинке, увидел, как она доставала воду из колодца... А теперь разыскивает ее.

— Ну и нравы нынче! — гневно фыркнула тетушка, а кухня опустила книгу и спросила:

— А что за вельможа? Ты его видела?

Кажется, после всех прочитанных романов она не отказалась бы от такого романтического знакомства.

— Не видела, — ответила я, — но говорят, это средних лет мужчина, весь в черном, одет дорого, со свитой. И вроде бы кто-то сказал, что это сам Черный... Но вот кто — Черный, я не расслышала, а переспрашивать было неловко. Вы не знаете, тетушка?

— Откуда бы мне? — проворчала она. — Хорошо хоть, языком попусту чесать не стала!

— Неужто сам Черный герцог? — мечтательно протянула Агата.

— Делать герцогу больше нечего, кроме как за замарашками бегать! — отрезала тетушка. — Что, Маргрит, больше ничего интересного?

Я сделала вид, будто задумалась, потом сказала:

— Я слышала от кухарки Гриннов, что ей сказала горничная Степли, которой сказал дворецкий графа Мабови, будто через месяц состоится большой королевский бал. И на него приглашены все незамужние девицы всех сословий.

— Вот это да! — восторженно протянула кухня. — Хоть одним глазком бы взглянуть! Хоть в окошко полюбоваться из дворцового сада!

— Агата, умоляю! — воскликнула тетушка. — У нас нет таких средств!

— На балу принц должен будет выбрать себе невесту, — добавила я. — Так решил король. Иначе его женят на той, на кого укажет отец.

Тетушка выронила вязание. Кухина уронила книгу.

— Мама... — прошептала она.

— Да, детка, шанс мизерный, но упускать его глупо, — решительно произнесла тетушка, скинув с колен мотки шерсти. — Маргрит, а... об этом все уже знают?

— Нет, что вы, — ответила я, — указ еще не объявляли, но слуги, сами понимаете, многое слышат...

— Тогда нужно срочно заказывать платья, пока портних не завалили заказами, — постановила тетушка. — Агата, завтра идем выбирать ткань, а потом к мастерице! Маргрит, ты присмотри за домом, мы сами справимся...

— Конечно, — ответила я. Не знаю, сколько денег имелось в тетушкиных тайниках, но, судя по всему, немало. Я всегда подозревала, что у нее припрятано что-то на черный день, просто она очень прижимиста. А может, копит на приданое Агате.

Мне было сложнее: десяти золотых с лихвой хватило бы на ткань и на пошив, драгоценности у меня имеются, но девушка из хорошей семьи не может явиться на бал пешком и без сопровождающих. А наемная карета или хотя бы коляска в такой день будет стоить бешеных денег!

Я поднялась к себе — тетушка с кухиной яростно спорили о цветах и фасонах будущих

нарядов, прическах и украшениях, — вынула из тайника куклу, подержала в руках и положила назад. Просить подсказки? Нет, тут я способна справиться и сама.

Я могу принарядиться. Перчатки скроют мои изуродованные работой руки, драгоценности не дадут толком приглядеться к загорелой коже, а лицо можно прикрыть вуалеткой. Прическу я сделаю самую простую. Дело за малым: нужен экипаж и сопровождающие...

— Черный герцог, — сказала я вслух.

Ему не нужно, чтобы принц — а я уже не сомневалась, что его господин именно наследник престола, кому же еще станет прислуживать такая особа! — встретил на балу Элли. А Элла непременно попадет туда, ведь у нее есть фея-крестная! Думаю, если я скажу ему об этом...

Но как это сделать? Не сочтет ли он меня смутьянкой или вовсе сумасшедшей?

И как его отыскать?

«Подожду у колодца, раз уж принц повадился по воду ходить, — решила я. — И нужно поскорее шить платье. Я знаю, каким оно будет».

В первый день принц не появился, но это и к лучшему: матушка с кузиной сами отправились за покупками, не доверяя мне сложный выбор ткани для бальных нарядов. Знаю, они вернули отрезы шерсти и тафты, а посыльный из лавки принес красивый лиловый атлас для тетушки и нежный золотисто-розовый муслин для Агаты, и это не считая лент, кружев, фурнитуры, корсетов, чулок и прочего. Затем последовали новые туфли, шляпки, перья... Тетушка в самом деле умела экономить и скопила немало.

Назавтра они дожидались портниху: сами к ней не пошли, чтобы подольше сохранить секрет и уменьшить шансы прочих модниц, когда удостоверились, что еще никто не знает о грядущем торжестве во дворце. Тетушка предпочла заплатить побольше, но получить первоклассные наряды, а не платья, дошитые впопыхах в последние часы перед празднеством.

Я даже и не спрашивала о том, можно ли мне поехать на бал. И так ясно, что нельзя, к чему же зря воздух сотрясать?

Пока они выглядывали в окошко в ожидании гостя, я отправилась к колодцу. И, вот диво, застала возле него Эллу: она как раз крутила ворот, и я присоединилась — вдвоем всяко легче.

— Что-то ты невесела? — спросила я, когда обе мы наполнили ведра и присели передохнуть. — Снова мачеха обидела?

— Ну что ты, — ответила она и утерла лоб мокрой рукой, еще сильнее размазав сажу. — Она сердится, конечно, но не со зла. Просто она очень уж требовательная...

— А почему тогда грустишь? Неужели... — я не удержалась, — неужели в принца влюбилась?!

— Какого принца? — недоуменно посмотрела на меня Элла.

— Ну как же, Элла! Припомни, на днях ты подошла сюда, а он предложил тебе помочь... Красивый юноша, дорого одетый, на сером коне! Неужто позабыла? Ты еще его шуткам смеялась...

— Но с чего ты взяла, что это был принц? — чуть ли не испугалась она.

— Я в лавке упомянула про него, по описанию и признали. Высокий, волосы русые, глаза синие, конь серый, сбруя вся в серебре, — это точно он. Говорят, частенько срезает путь ко дворцу через предместья.

Такая словоохотливость была мне не свойственна, и я умолкла.

— Пойду, — сказала я наконец и встала. — Не то взгреют.

— Значит, принц... — понурилась Элла, не обратив внимания на мои слова, а я уже наклонилась взять ведра, как услышала цокот копыт.

По узкой улочке опять следовала кавалькада. Я изо всех сил пыталась поймать взгляд герцога — он ехал по правую руку от принца, я издали узнала гнедого коня, — но мешали пышные плюмажи прочей свиты.

Старания мои увенчались успехом только когда кони остановились.

— Что, и сегодня мне не подадут, напиться? — весело спросил принц.

— Пожалуйста, прошу вас, сударь, — Элла обеими руками протянула ему полное ведро, едва удерживая его на весу. Тот наклонился, придержал его и отхлебнул с явным удовольствием.

— Эй, чернявая! Принеси-ка и мне попить, — приказал герцог. Я не собиралась поднимать полное ведро чуть не над головой, поэтому выплеснула большую часть воды наземь и подала ему.

— Там же, — шепотом сказала я. Он нахмурился, но едва заметно кивнул. Я забрала свое ведро и отошла к колодцу — снова его наполнить.

— Смотри не лопни, Феликс, — сказал герцог принцу. — Ты же не верблюд, столько тебе не выпить.

Принц засмеялся:

— Спорим, зануда?

— Нет. Ты проиграешь, — пожал тот плечами, тронул коня с места и добавил через плечо: — Мы же не в пыточной.

Я слыхала о таком: на допросе в человека вливают воду, пока он не сознается в содеянном, не выдаст поделщиков... или не умрет. Должно быть, прочие тоже об этом знали, потому что перестали посмеиваться, а принц отдал ведро Элле и утер лицо.

— Ну, едем! — сказал он, и всадники унеслись прочь.

Элла осталась смотреть им вслед, а я отправилась домой. Пока герцог вернется, я, глядишь, обед успею состряпать. Хотя тетушке с кузиной явно было не до того: они дошли только до обсуждения фасона рукавов, и это грозило затянуться надолго.

Так и вышло: я прождала герцога довольно долго, хорошо еще, взяла с собой одну из книг Агаты, чтобы не заскучать. Рукоделия мне и дома хватает с избытком, а тут, пусть это всего лишь сказка для романтически настроенных девиц, можно хоть улыбнуться. Каюсь, я увлеклась незамысловатой историей о разлученных возлюбленных так, что даже не услышала шагов.

— А ты и впрямь умеешь читать, Маргрит, — прозвучало у меня над головой. Я заложила книгу сухой былинкой и встала. — О чем ты хотела поговорить?

— Боюсь, это долгий разговор, сударь, — помолчав, ответила я. — А здесь мы как на ладони. Не соблаговолите ли спуститься к реке? Я знаю старую иву на излучине — она будто шатер, ветви до самой земли. Под нею и коня вашего можно укрыть. Опять же, там прохладно.

— Идем, — кивнул он, — указывай дорогу.

Конь снова пошел за ним без приказа, как верный пес.

— Чья ты дочь? — спросил герцог, вслед за мною спускаясь к воде. — Ты говоришь не как простолюдинка.

— Мой отец был хорошим ювелиром, — сказала я, решив, что о себе-то вполне могу сказать правду. — Он надеялся, что я приглянусь кому-нибудь из его знатных или просто богатых клиентов, и тот возьмет меня в жены, вот почему он нанимал мне учителей и требовал, чтобы я вела себя достойно. Вряд ли кому-то вроде вас может понравиться неотесанная деревенщина, не так ли, сударь?

— Отчего же некоторым доставляет несказанное удовольствие извальяться в грязи, затем отряхнуться и вернуться в сверкающий чистотой дом, — любезно ответил герцог. — Но отчасти ты права, такие в жены не возьмут. Скорее всего, они уже давно женаты на безупречной благородной даме...

— Подходить к которой следует не иначе, как предупредив за две недели о своих грязных намерениях, а дотрагиваться до нее можно лишь кончиками пальцев, словно до цветочного лепестка, дабы не осквернить грубым прикосновением нежное создание, — не

удержалась я.

— Ад и преисподняя, что это было?! — невольно вздрогнул герцог.

— Это, сударь, фраза из романа, до которых охоча моя кузина, — ответила я и показала ему книгу. — Чтобы не было скучно ждать, я взяла с собой один такой. Могу сказать — очень забавное сочинение.

— Что-то мы отвлеклись... — Мужчина отвел длинные ветви ивы, пропуская меня в тихое зеленое убежище, позвал коня и завел его под дерево. — Хм, и вправду настоящий шатер. Говори, зачем позвала меня, Маргрит. Я тоже не хозяин себе, и у меня еще много дел.

— Конечно, сударь. Но сперва, позвольте, я задам вам вопрос...

— Так спрашивай же!

— Вы верите в волшебство? — спросила я, присев на торчащий из земли узловатый корень.

— А ты что, колдунья? — усмехнулся он. — Хочешь заявить, будто околдовала моего господина и он потерял разум, влюбившись в ту девушку? Что ж, ты похожа на ведьму...

— Кажется, у вас богатый опыт, — не осталась я в долгу. — Сегодня вы с таким знанием дела упомянули о пытке... Должно быть, вы можете узнать в женщине ведьму после первого же ее крика на допросе!

Герцог наклонился ко мне и посмотрел в глаза.

— Не знаю, за кого ты меня приняла, — негромко произнес он, — но только я никогда не пытал женщин. Слово чести.

— Простите, сударь, — наклонила я голову, — я вела себя непозволительно. Но вы, однако, не ответили на мой вопрос.

Он помолчал. Тени ивовых ветвей и блики от речной воды раскрасили его костюм причудливым узором.

— Я никогда не видел настоящего колдуна, — произнес наконец герцог. — Но я не стану верить, будто волшебства не существует, пока сам не удостоверюсь в обратном. В конце концов, многие уважаемые и достойные доверия люди рассказывали о чудесах, свидетелями которых явились вольно или невольно, и подвергать их слова сомнению было бы невежливо с моей стороны.

— Это хорошо, сударь, — сказала я. — Потому что речь пойдет как раз о волшебстве.

— Ты умеешь заинтриговать мужчину, — сказал он и прислонился к стволу ивы, скрестив руки на груди. — Говори же!

— Вы можете не поверить, сударь, но я знаю наверняка: у той девушки, Эллы, есть крестная. Фея. Вы понимаете, к чему я клоню?

— Пока нет. Объяснись!

— Бал, сударь. Королевский бал, на который приглашены незамужние девицы всех сословий, — ответила я и чуть не упала со своего насеста, когда герцог наклонился ко мне и схватил за плечо.

— А ты откуда знаешь об этом? — проговорил он, глядя мне в глаза.

— Может быть, я и вправду ведьма, — ответила я, хоть и сделалось мне страшно. — Или ведьма подсказала мне? Какая вам разница? Знайте, что Элла почти наверняка будет на балу и что принц увидит ее. Не знаю, правда, как она объяснит свое перевоплощение в знатную даму...

— Если волшебство существует, — герцог разжал пальцы, — то можно превратить замарашку в красавицу, хотя для этого довольно и воды с мылом, хорошей одежды, прически

и умения себя вести... Об уме, так и быть, умолчу. Словом, она ведь может надеть маску. Либо же эта ее крестная позаботится о том, чтобы никто не узнал в гостье служанку, не так ли? И кто знает, существуют ли приворотные чары или зелья...

— Вот именно, сударь. Но я говорю лишь о том, что мне известно наверняка, — сказала я.

— Откуда же?

— От Эллы, конечно же, — сказала я. — У нее нет подруг, у меня тоже, и хватило пары добрых слов, чтобы она выложила мне о себе все.

— Думаю, ты намекаешь на то, что не отказалась бы получить еще несколько золотых?

— Не несколько, сударь, — ответила я и встала. — Мне нужны на одну ночь карета и слуги. Я должна быть на балу.

— У тебя тоже имеется крестная-фея? — прищурился он.

— Не крестная, — ответила я уклончиво. — Но, кажется, у вас с нею схожие желания: принц не должен взять в жены невесту кого. Быть может, если отвлечь его от Эллы, он скоро забудет о ней? Думаю, на балу будет много красивых и знатных девушек!

Герцог помолчал, водя пальцем по гладко выбритому подбородку — теперь при дворе такая мода, отец, помнится, носил бакенбарды.

— Положим, — произнес он наконец, — но если отвлечь его намерена ты, боюсь, затея обречена на провал. Ты не в его вкусе, и вдобавок, уж прости...

— Можете не извиняться, сударь, я знаю, что нехороша собой, — перебила я. — Но не кажется ли вам, что заинтересовать можно не только симпатичным личиком? Тем более мне нужно будет не привлечь его высочество, а отвлечь его внимание от Эллы.

— И как же ты намерена сделать это?

— Быть может, вы расскажете немного, чем интересуется принц? Какие книги читает? Чем увлечен?

Черный герцог негромко рассмеялся.

— Увлечен он охотой, а интересуется в основном красивыми девушками и балами, — ответил он. — Хорошо разбирается в винах, отлично фехтует и ездит верхом. Но не вздумай говорить с ним о политике или, упаси боже, финансах, Феликс ненавидит эту скучищу, как он выражается.

— Вы так просто называете принца по имени, сударь...

— Я знаю его с рождения, — пожал тот плечами. — И могу понять, отчего ему не хочется вникать в тонкости отношений с соседними государствами и заучивать нудные параграфы законов, когда можно отправиться на охоту или на свидание с очередной красоткой. Это все юность.

— Вы тоже не стары, — заметила я.

— Но я не принц, — усмехнулся он. — Феликс считает, что его величество вечен, а он всегда сможет развлекаться, как теперь, но это не так. Мне рано пришлось принять на себя бремя ответственности, и я знаю, о чем говорю.

Я подумала.

— Но хоть что-то помимо девушек и охоты его интересует? Не может быть, чтобы его высочество ничего больше не видел вокруг!

Герцог тоже задумался.

— Феликс мечтает о путешествиях, — сказал он наконец. — Это его мечта — увидеть дальние страны — не соседние, там он бывал, — а те, что лежат за морями. Но, конечно, его

величество никогда не отпустит единственного наследника в такое опасное путешествие. Правда, не знаю, чем это может помочь...

— Зато, кажется, я знаю... — Я прикусила губу. — Выдам себя за иностранку и постараюсь напроситься на разговор. Слово за слово — и, уверяю, вскоре он забудет об Элле! Только мне нужно будет как-то подойти к принцу — желающих, думаю, будет море!

— Ну хорошо, — произнес наконец Черный герцог. — Положим, я найму карету и слуг, фея наколдует платье, а я помогу тебе оказаться рядом с принцем. Но танцевать-то ты умеешь?

— Я ведь говорила, что отец нанимал мне учителей, — напомнила я. — Возможно, я не знаю новых танцев, но не отдавить ноги партнеру, пожалуй, смогу. Повторюсь — я скажу, что родом издалека, тогда будет легче объяснить, отчего я плохо знаю нынешние танцы — у нас в моде другие... Или мне потребуются верительные грамоты?

— Если тебя представлю я — не понадобятся.

— Тогда нужно попробовать.

— Это может быть забавно, — усмехнулся герцог. — Но отчего, если ты иностранка, у тебя здешнее имя и фамилия?

— Отец был местным, а матушка — из-за моря, только и всего. Здешний климат погубил бы ее, и отец уехал жить к ней, а после ее смерти вернулся на родину. Имя распространенное, а вот фамилию лучше бы придумать другую, папу могут помнить.

— Нет, — сказал герцог, — лучше наоборот. Матушка твоя была здешней красавицей, скажем, дочерью купца или дворянина из тех, что победнее, и сопровождала отца в путешествии. Там, за морем, в нее влюбился сын местного правителя и умолил отдать ее в жены. Затем он умер от лихорадки, от раны на охоте или при дворцовом перевороте, а матушка твоя с помощью верных людей вернулась с тобою на родину, где и жила безбедно, поскольку успела захватить с собой достаточно драгоценностей.

— Сударь, неужто и вы не гнушаетесь подобными романами? — подняла я книгу.

— Это ты ими не гнушаешься, поэтому подробности придумаешь сама. А я рассказал настоящую историю, правда, случившуюся почти двести лет назад.

— Главное, чтобы на балу не оказалось никого из тех мест... — пробормотала я. — Любой вопрос — и...

— Ты попала сюда ребенком и не помнишь ничего, кроме пышного дворца и сада. Ну и, разумеется, корабля. Матушка неохотно рассказывала о прошлом. Вот и все.

— Подойдет, — решила я. — Так, значит, по рукам, сударь?

— Да. — Он помолчал. — Я дам тебе карету и представлю Феликсу. Но как ты намерена справляться дальше...

— Я пока и сама не знаю, сударь, — честно ответила я. — К которому часу принято появляться на балу?

Он ответил.

— Тетушка с кузиной уедут точно ко времени, если не раньше, — задумчиво произнесла я. — Мне лучше припоздниться. Думаю, там уже будет много гостей, и на меня обратят меньше внимания.

— А что случится, когда часы пробьют двенадцать? — осведомился герцог. — Что случится с твоим волшебным нарядом? Чары ведь исчезают в полночь...

— Ничего не случится, сударь, — ответила я. — Я ведь шью его сама, и пусть он будет, возможно, старомоден и скромн... что ж! За украшениями отцовской работы никто и не

заметит, как я одета.

— Как же все-таки его звали? — с неожиданным интересом спросил он.

— Гастон, — сказала я. — Мастер Гастон Сенти.

— Не может быть... — герцог неожиданно взял меня за плечи. — Гастон? Бог мой, за украшения его работы давали немислимые деньги, а ты ходишь в прислугах?

— Деньги ушли на врачей и лекарства, — ответила я, — мы в долгах. Отпустите, пожалуйста, сударь, вы делаете мне больно!

— Прости, не рассчитал силу... — Он отстранился. — Матушка, помнится, была очень расстроена: мастер не успел доделать ее заказ. Деньги, уплаченные вперед, вернул, но...

— Что за заказ? — спросила я.

— Ожерелье из жемчуга и звездных сапфиров, — ответил он. — Но что уж говорить! Ни моей матушки, ни твоего отца уже нет в живых... Мне пора.

— Конечно, сударь. И я не отказалась бы от пары золотых, — сказала я ему в спину.

Вместо ответа он небрежно бросил мне тяжелый кошелек и сказал, чуть повернув голову:

— Не знаю, ведьма ты или нет, главное, сделай свое дело. Принц обязан жениться на знатной девице, а не на голодранке!

Ивовые ветви качнулись, пропустив герцога и его коня, а я заглянула в кошелек. С такими деньгами я могла и сама нанять карету, но лучше уж прибыть на герцогской...

Конечно, пойти в лавку и купить ткань я не могла: об этом мгновенно узнали бы все сплетницы в округе. Однако имелся еще чердак и сундук с нарядами моей матери. Узнав, что Элла тоже перешивает материну свадебное платье, я невольно улыбнулась. Времени на то, чтобы спороть давно вышедшую из моды отделку и немного перешить платье под себя, было предостаточно. Вот перчатки и кое-какие мелочи я купить могла, сославшись на тетушку, и этого было вполне достаточно. И если бы только не бальные туфли! Попытайся я купить их, сразу станет ясно, что это не для кузины: у нее нога больше... Я совсем извелась, но вспомнила вдруг о старичке-сапожнике, недавно ушедшем на покой: отец мой заказывал обувь лишь у него. Дядюшка Уолдо теперь зарабатывал на жизнь только починкой обуви, но вряд ли забыл ремесло. Вдруг да повезет?

— А, Маргрит! — с порога узнал меня старик. — Давненько тебя не видел... Выросла-то как! А с чем пожаловала?

— Да вот, гостинцев принесла, — ответила я, поставив корзину на стол, — заработала немного шитьем, дай, думаю, проведаю дядюшку Уолдо, а то с пустыми руками приходиться стыдно было...

— Эх, внучка, — махнул тот рукой, блаженно приняв себя к ветчине. — Мы с твоим отцом вместе пуд соли съели, а ты — стыдно... Как живешь-то? Слышал, в черном теле тебя держат?

— Ничего, дядюшка, это ненадолго, — ответила я. — Полно об этом, давайте-ка я у вас подмету да чайник согрею. Вы, поди, всухомятку перебиваетесь? Хоть суп вам сварю на пару дней...

— Да брось ты, готовить! Зачем? — пожал он плечами. — Обойдусь, не возись! Присядь лучше, потолкуем... Скажи, что за суета такая? Все будто с ума посходили! Говорят, королевский указ читали, да я на ухо туг, не разобрал ничего...

— О! — сказала я. — Во дворце будет бал, вот и всполошились. Ведь всех девиц зовут, хоть прачку, хоть принцессу. То-то будет потеха, а, дядюшка?

— И тебе бы на нее тоже взглянуть хотелось, а? — лукаво прищурился он. — Ну-ка, сознавайся!

— Конечно, хотелось бы, — не стала я отрицать. — Я и платье почти дошила. Перешила, вернее, из маминого, уж для служанки сойдет! Только обуви нет, дядюшка Уолдо. Простую-то я могу купить, скажу, мол, вовсе прохудились туфли, не в деревянных же башмаках ходить и перед соседями позориться! Но если бальные своего размера закажу, тетушка мигом прознает! Выручи, а? Я заплачу по чести!

— По чести — я тебе и даром сделаю, — проворчал Уолдо. — На твою ножку ни один мастер кроить не возьмется, а я хоть и стар, да руки ремесло помнят... А ну-ка, давай ногу. Давай-давай... Ну, точно как я помню, — обрадовался старик, приложив ладонь к моей ступне. — Ставь сюда... Какие туфельки-то делать?

— Черные, дядюшка Уолдо, — улыбнулась я, обуваясь. — Ты же сам знаешь.

— Сделаю, — ухмыльнулся он из-под седых усов. — Принцессы позавидуют!

— А на материал деньги все же возьми, — серьезно сказала я. — Выбирай самый лучший. И подметки делай покрепче, чтобы не стерлись!

— Ох, задумала ты что-то, Маргрит, — погрозил он мне узловатым пальцем, но монеты

принял. — То-то я думаю, как все вздоржало... Точно, перед праздником. Все, иди, я думать буду... и пойду пройду, посмотрю, что у благородных нынче в моде.

— Дядюшка, не надо того, что в моде, сделай так, чтобы удобно, — попросила я, — и сносу не было. Чтобы сами плясали, как ты говоришь!

— А, ну это я могу, — приосанился старик. — Но фасончики все же посмотреть схожу, да... Какой нынче каблучок носят, может, еще какие хитрости подгляжу...

Поняв, что он увлекся, я потихоньку удалилась. На дядюшку Уолдо можно положиться, это я знала твердо и вовсе не удивилась, когда через несколько дней меня поймал у колодца соседский мальчишка и передал, что тот просил прийти.

— Вот, — гордо сказал старик, когда я вошла в его мастерскую. — Любишься! У самой королевы таких нет!

— У нас нет королевы, — напредила я. — Король вдовее.

— Ни у какой нет, — выкрутился он. — Ну-ка, примерь!

Маленькие черные туфельки облегалли ногу, как руку облегалли тонкие перчатки.

— Сносу им не будее, — заявил дядюшка Уолдо и постучал по подошве. — А если протрещь-таки подметки, вое тебе запасные!

— Но...

— Молчи уж! Я матерьял-то с запасом брал, а на твою лапку аккурат две пары и выкроил, оно не сложно, если умеючи, — разулыбался старик, и я искренне обняла его. — Поди, потанцуй, дело-то молодое... Вдруг какой паренек хороший встретится?

— Отчего же нет? — ответила я. — Не так уж я и дурна, а, дядюшка?

— Ну, с лица воду не пить... — честно сказал он, — вуалькой прикройся, вое и ладно, да улыбайся почаще, зубы у тебя хороши. А то иной раз глянешь, иее вроде знатная, красивая, а улыбнется — у ней во рту частокол, и тот косою да гнилою.

— Ну спасибо, дядюшка, выручил. — Я спрятала туфли в корзину. — Приду потом, расскажу, что да как было, если все же уаеся во дворец попасть...

— Тетка? — участливо спросил он. — Ну, тут уж ничего не поделаешь. Терпи, Маргрит, там видно будее!

Я улыбнулась и пошла домой. Туфли спрятала, конечно, одну пару у себя, вторую в дупле старой ивы. Просто на всякий случай.

Платье было уже готово, не так много там пришлось перешивать, и даже с моими скромными умениями вышло довольно мило.

«Вуалетка, — вспомнила я вечером, выливая грязную воду под куст, — где бы ее раздобыть? Лавочки удивятся, если я куплю черную вуаль, слухи пойдут...»

— Ты, гляжу, работаешь воею? — раздался знакомый голос, и я обернулась. Фея Ночи выглядела сгустком тьмы в тени дома. — Нет, я не имею в виду твои домашние дела... Просто удивилась, что ты больше ни разу не спросила совета.

— Вы велели не делать этого по пустякам, сударыня, — пожалала я плечами, — вое я и не спрашивала.

— Ну-ну. — Она грациозно опустила на ступени. — Бал, как мне известно, уже скоро. Все ли у тебя готово?

— Да, — ответила я.

— Я приду взглянуть на тебя перед тем, как ты отправишься во дворец, — сказала Фея Ночи.

— Я буду благодарна за это, — кивнула я, и она улыбнулась.

— Элла тоже перешивает старое платье, ты знаешь?

— Конечно. А вам откуда это известно?

— Так ведь она занимается этим по ночам, а что такое ночь? Верно, моя стихия... Но у бедняжки нет туфелек. Только старые изношенные башмачки, какая жалость, верно?

— Мои ей будут малы, — сказала я в ответ, — и вряд ли подойдут к ее платью.

Фея Ночи дотронулась до моей щеки.

— Чем дальше, — сказала она, — тем чаще я думаю о том, что не убью тебя, даже если ты сама нарушишь равновесие, уж придумаю что-нибудь... Но постарайся не делать этого, я не могу предсказать последствий, и никто не может. Мы уже совсем близки к цели, Маргрит! Многие решится на балу, так что постарайся не оплошать...

Я помолчала.

— Сударыня, — сказала я наконец, — вы сказали, что вы не станете помогать мне, но ответить на вопрос, касающийся не меня лично, вы можете?

— Задай его, и я либо отвечу, либо откажусь это делать.

— Кто таков Черный герцог? — спросила я. — Он близок к принцу, говорит ему «ты», принц тоже ведет себя с ним, как с родней... Хотя при дворе все друг другу родня.

— Да, но не настолько близкая, — улыбнулась Фея Ночи, и ее покрывало замерцало, будто Млечный Путь августовской безлунной ночью. — Это брат принца.

— Но...

— Не перебивай, — махнула она рукой. — Черный герцог, герцог Винсент Барра — старший сын короля. Незаконнорожденный. Матушка его, вдовья герцогиня Барра, не так давно скончалась. Муж ее рано умер, а она была настолько хороша в траурном наряде, что король не смог пройти мимо юной вдовы... Не смотри так, — поджала губы Фея Ночи. — Я не подглядывала нарочно, слухов и так было предостаточно. Винсент считается законным наследником рода Барра — после гибели его отца не прошло еще года, когда он появился на свет, — но все знают правду. Да и взглянуть на него — вылитый король!

«Такие профили только на монетах чеканить», — вспомнила я собственную мысль. И вправду, на золотых выбит профиль нашего короля, и Черный герцог — его копия.

— Отчего же король не женился на герцогине?

— Ему уже подыскали невесту, а против воли отца он пойти не мог. Политика, Маргрит, — вздохнула фея. — Если бы он был влюблен по-настоящему, быть может, настоял бы на своем, но это был просто порыв страсти. Хотя, нужно отдать ему должное, сына он не оставил и всячески привечает. Герцог — не последнее лицо в этом королевстве.

— Теперь он...

— Лучший друг его высочества, — улыбнулась Фея Ночи. — Да и ведает кое-какими делами, о которых не принято говорить вслух даже ночью под одеялом. Неприятный человек. Будь с ним осторожнее, а лучше вовсе держись от него подальше.

— Я постараюсь, — кивнула я и насторожилась, услышав тетушкин зов. Ну а когда обернулась, моей собеседницы уже не было рядом. — Иду!..

«Ну надо же, — подумала я. — Как все запутано... не запутать бы этот клубок еще сильнее».

— Маргрит, завтра мы будем купаться, — нервно произнесла тетушка, поправляя едва просохшие волосы — сегодня состоялась настоящая головомойка. — Подай на стол и иди спать, а завтра встань пораньше и нагрей большой котел воды. Агата должна выглядеть безупречно!

— Как скажете, — кивнула я.

Да, выспаться бы мне не мешало: предстояла беготня с ведрами, купание, потом придет парикмахер, затем последует ритуал одевания — кое-где ушить и подшить на живую нитку могу и я, портниху звать не нужно, она и так разрывается на части... Ну и, наконец, тетушка с кузиной отбудут, а я смогу заняться собой. Причем времени у меня будет не так уж много. Хорошо еще, волосы я успела вымыть сегодня, пока тетушка с кузиной обсыхали, и то пришлось сушить их у очага... Ну да ничего. Успею.

Следующий день выдался хлопотным. Тетушка с кузиной суетились и совсем меня загоняли, даже присесть некогда было. Когда наемный экипаж скрылся за поворотом, я с облегчением упала на лавку, чтобы передохнуть пару минут.

Правда, расслаживаться было некогда. Хорошо, что воды я нагрела заранее, а долго нежиться в ванне не собиралась. Соорудить прическу я могла и сама, несложную, конечно, но волосы у меня достаточно длинные, чтобы уложить их короной вокруг головы. Если косу плести не туго, получается пышная прическа... Вот только вуали не было!

Тут меня осенило, и я кинулась в тетушкину комнату. У нее ведь осталась шляпка от траурного наряда, а на той была вуаль, я помню... Перебрав шляпные коробки, я нашла искомое и, мысленно помолившись, чтобы в ближайшее время траур тетушке не понадобился, присвоила эту вуалетку.

Платье — старомодное, верно, теперь туфли... веер и перчатки наготове. Немного краски на лицо — извини, Агата, я взяла всего лишь чуточку пудры и помады, и завершающий штрих — драгоценности. Жемчужный гарнитур, последняя работа моего отца, с которой он не смог расстаться: кольцо, серьги и маленькая диадема, к которой очень удобно было прикрепить вуаль.

Памятуя о том, что Фея Ночи обещала навестить меня перед отъездом, я вышла на крыльцо. И верно — тьма сгустилась, и она явилась...

— Недурно, — сказала она, заставив меня повернуться, — очень даже недурно. Но немного простовато... Я о платье, а не об украшениях.

Я улыбнулась: назвать эти украшения простыми смог бы не каждый.

— Хотя им тоже не будет лишним придать немного таинственного флера, — добавила Фея Ночи. — Встань-ка ровно!

— Вы же сказали, что не можете превратить мое платье в бальное, — не удержалась я.

— Я и не собираюсь ничего превращать. А добавить несколько капель ночной росы...

Драгоценные камни в ожерелье вспыхнули, как та самая роса в свете звезд, а жемчужины засияли, словно кто-то нанизал на нить десятки маленьких лун.

— Горстка звезд из глубин Млечного Пути, — Фея Ночи взмахнула рукой, и темно-лиловое платье мое будто заискрилось, диковинные созвездия вспыхивали и угасали. — И немного ночного тумана.

С этими словами она небрежно дернула свою вуаль, оторвав клочок. Я, повинувшись жесту, сняла свою, и верхнюю часть моего лица закрыла туманная пелена, впрочем, тут же сделавшаяся прозрачной. Она мягко колыхалась, прохладой касаясь лба.

— Теперь тебя никто не узнает, — улыбнулась Фея Ночи. — Но с рассветом звезды померкнут, а туман рассеется, имей это в виду. Да и на свету все это выглядит не так роскошно, так что если подвернется удобный случай, уводи собеседника на темную галерею...

— Я не собираюсь оставаться там до утра, да и по галереям бродить не вижу смысла, — сказала я. — Благодарю вас, и... я слышу стук копыт, это, должно быть, экипаж!

— Постой, — велела она. — Покажи-ка туфли!

Я приподняла подол.

— Чуть не забыла, — сказала Фея Ночи, поднесла руку ко рту и легонько подула, словно

на ладони у нее был пепел, и черные туфельки работы дядюшки Уолдо тоже засияли мириадами крохотных звездочек. — Ерунда, право слово. Просто горстка звездной пыли, осыплется — не жаль. Что ж, иди! Карету уж украшать не стану...

Я поблагодарила еще раз и бросилась в дом. Подхватила плащ — тоже старый, матушкин, таких уже не носят, — прикрыла им сверкающее платье, заперла двери и выбежала на улицу.

Экипаж поджидал за углом — неприметная карета, запряженная парой вороных. Молчаливый слуга помог мне забраться внутрь и вскочил на запятки, кучер щелкнул кнутом, и сытые кони резво помчали ко дворцу.

Дворец сиял огнями. Я поняла, что была права, решив задержаться: у парадного входа не протолкнуться было от экипажей, людские реки текли по широким лестницам, и я, подумав, осталась в карете. Лучше переждать немного.

— Любезный, — позвала я, высунувшись наружу, — нельзя ли предупредить вашего господина, что я задержусь? В эту толчею, сами видите, даже сунуться страшно!

— Сию минуту, — ответил он и убежал куда-то в сторону. Должно быть, там имелся вход для прислуги.

Вернулся он довольно быстро — я, правда, уже успела насмотреться на ошеломительные наряды и богато украшенные экипажи — и сообщил:

— Его светлость ждет. Просил передать — та девушка еще не появля...

Слуга едва успел отскочить — его чуть не сшибла роскошная золоченая карета, запряженная шестериком. Белые кони встали как вкопанные, лакеи соскочили с запяток, открыли дверцу и помогли хозяйке выбраться.

Едва она появилась, поздний вечер вдруг показался белым днем: нежно-голубое платье сияло, сияли золотые волосы красавицы, да и сама она просто лучилась от радости. Она остановилась, озираясь в полнейшем восторге, а потом, спохватившись, бросилась вверх по лестнице. Мне показалось, будто каблучки ее выстукивают звонкую мелодию...

«Пора», — решила я и распахнула дверцу кареты.

Слуга сопровождал меня до дверей, принял мой плащ и с поклоном удалился.

Распорядитель назвал мое имя, но в гуле голосов его все равно никто не расслышал, кроме стоящих рядом. Маргрит Тиан — так назвал меня Черный герцог.

Наблюдать за происходящим в огромном зале было невероятно интересно.

Дворяне, ясное дело, держались своей компании, зажиточные горожане и ремесленники — своей, и каждая из таких групп, несомненно, всецело осуждала и с упоением обсуждала другую. Я увидела даже несколько смелых крестьянок, принарядившихся ради такого события в лучшие свои наряды, яркие, с замысловатыми вышивками, очень симпатичные. Девицы не робели, с искренним любопытством разглядывая изысканные одеяния благородных дам и пышные уборы купеческих дочерей и зажиточных горожанок. Думаю, пришли они ради того, чтобы в старости рассказывать внукам, как побывали на королевском балу и даже видели самого короля! История эта обрстет самыми невероятными подробностями, а когда-нибудь станет сказкой о том, как простая девушка запала в душу принцу...

Вон как та, в голубом платье: принц как раз беседовал с нею, явно не узнавая в незнакомой принцессе простушку Эллу. Что ж...

Я издалека увидела герцога — трудно не разглядеть такую оглоблю — и, огибая беседующих гостей, подошла к нему поближе. Он разговаривал с седым мужчиной, и я,

чтобы не показаться невежливой, встала неподалеку, вполоборота, делая вид, будто разглядываю убранство зала.

Герцог не раз и не два бросал на меня взгляд, но явно принимал за обычную гостью. С одной стороны, это не могло не радовать, но с другой... Фея Ночи ведь сказала «никто тебя не узнает»! Выходит, и он тоже?

Выручил меня случай: посторонившись, чтобы пропустить даму в необъятном кринолине, я повернулась, и ожерелье мое вспыхнуло в свете мириадов свечей. Герцог осекся на полуслове, потом быстро свернул разговор, раскланялся с седовласым господином и подошел ко мне.

— Сударыня? — произнес он нейтральным тоном, и я поняла, что он не уверен, видит ли перед собой Маргрит Сенти.

— Ива шатром, — ответила я. — Колодец.

— Маргрит?

— Да, сударь, — улыбнулась я. — Не узнали? Это хорошо...

Впрочем, герцог меня не слушал.

— Эти украшения, — проговорил он. — Откуда...

— Отец оставил их мне. Тетушка так и не узнала, где его тайник. И да, сударь, это то самое ожерелье, которое он делал по заказу, полагаю, вашей матушки, вот только расстаться с ним не смог. Три ряда жемчуга, сапфиры и бриллианты. Он назвал эту работу «Лунной ночью», очень символично, не правда ли?

— Да, весьма, — кивнул он и сменил тему: — Зря ты решила ждать. Гляди, Феликс уже воркует с незнакомой прелестницей... Полагаю, это и есть Элла?

— Именно.

— Приди ты раньше, он разговаривал бы с тобой.

— Сударь, а вам не кажется странным называть девицу на «ты», если она сегодня не прислуга, а заморская княжна?

— И верно... Так почему вы задержались, сударыня?

— Принц ведь открывает бал, не так ли? — спросила я. — Мне не хотелось бы, чтобы он пригласил меня. Надо бы сперва присмотреться, что нынче танцуют, ну а приноровиться и повторить па я смогу.

— Я приглашаю вас на первый танец, — неожиданно сказал герцог. — Мне вы ноги не отдадите точно...

Я покосилась вниз, на его башмаки, и кивнула.

— И я хороший партнер. Ошибиться я вам не дам, — завершил он.

— Спасибо, сударь.

— Это в моих интересах, сударыня. После танца я представлю вас Феликсу.

Он действительно оказался хорошим партнером, насколько я могла судить: прежде мне доводилось танцевать только с учителем да пару раз с друзьями отца на домашних праздниках, но это было совсем иначе. Приноровиться к новомодному танцу я сумела, хоть и не без труда, и спасибо, что герцог подсказывал мне, куда нужно поворачивать теперь и какой шаг идет за этим разворотом.

Элла же, успела я заметить краем глаза, кружилась в танце легко и непринужденно, хотя, казалось бы, никогда этому не обучалась...

— Фея? — спросил герцог, будто читавший мои мысли.

— Наверное, — ответила я. — Мне так не суждено.

— Отчего же ваша патронесса не наделила вас легкостью бабочки и талантом опытной танцовщицы?

— Потому что это запрещено, — сказала я. — Скромные подарки не в счет, а прочее зависит только от меня, так мне было сказано.

— Тогда идемте, — спокойно ответил он.

Моя ладонь терялась в его, и было одновременно страшно и невыносимо приятно идти рука об руку с таким вельможей. Казалось, на нас устремлены были все взгляды, кроме тех, которые приковал принц со своей прелестницей.

— Феликс, я вижу, ты уже всюю флиртуешь? — спокойно сказал герцог, подойдя вплотную. — Не представишь мне даму?

— Дама предпочитает сохранять инкогнито, — улыбнулся принц, а Элла потупилась.

— Ну что ж, тогда я представлю тебе княжну Тиан.

Я присела в глубоком реверансе. В глазах принца мне почудился огонек интереса.

— Я был знаком с ее отцом, — продолжал мой спутник, — одним из претендентов на престол, но увы... А матушка ее происходила из наших краев.

— Как интересно, — сказал принц. — Сударыня... Вы решили навестить родину матушки?

— Нет, ваше высочество, я выросла здесь, — улыбнулась я. — Матушка моя была вынуждена уехать после гибели супруга, и хвала всему существу, что ей удалось выбраться живой! Вы слышали об Анкизе?

— Нет, где это?

— О, это маленькое, не стоящее внимания княжество, — начала я, — на здешних картах оно либо вовсе не обозначено, либо считается частью Эманской империи, но это не совсем так... Впрочем, вы и сами знаете это, верно?

— Продолжайте, прошу! — в синих глазах принца вспыхнул огонек интереса.

— Хорошо, ваше высочество...

Отец Эллы, помнится, много рассказывал детворе о нравах южан, привозил из-за моря разные диковины, это пригодились. Да и книг я не чуралась, поэтому рассказов мне должно было хватить надолго. Каюсь, большую часть я взяла из затрепанных романов Агаты, приправив незамысловатые истории откровенными выдумками, но принцу и того было довольно.

— Я знаю об этом только по рассказам взрослых, — не забывала я повторять, поведав очередную душераздирающую историю об убийстве соперников. — Я была слишком мала. Ну а отец мой в те годы отправился далеко на восток и видел там предивные вещи!

— Вы танцуете? — спохватился его высочество.

— Боюсь, у меня мало опыта.

— С удовольствием преподам вам пару уроков, — улыбнулся он. — Позвольте вашу руку, сударыня...

Принц танцевал отменно, а вот я все время сбивалась с шага. Быть может, потому, что все время пыталась встретиться взглядом с Черным герцогом, который как раз повел в танце Эллу.

— Увы, я разочаровала вас, — печально сказала я, когда смолкла мелодия.

— Отнюдь, сударыня! — принц взял меня за руку. — Так славно поговорить с человеком, который был в далеких краях и воочию видел все это...

— Ваше высочество, повторюсь, это лишь пересказ со слов матушки! Сама я помню

только жару, большие залы, бассейны с фонтанами, а потом корабль... Я ведь выросла здесь, — напомнила я.

— Но вы так живо говорите, будто видели наяву бурные волны, паруса, далекие горизонты... — он мечтательно улыбнулся, и я вдруг подумала, что ему тесно в этом дворце.

Пускай принц всего лишь романтик, но, может, после полугода на корабле он сделался бы похожим на Черного герцога? Они ведь братья!

— Я просто обучалась риторике, — солгала я, — и не только слушала рассказы, но и читала записки покойного отца, он много путешествовал в юности. Читала и представляла — соленые брызги в лицо, волны выше мачт, незнакомый берег впереди...

— Вы переплыли океан, пусть и будучи совсем маленькой, вы в самом деле можете представить, каково это, — сказал он и снова подал мне руку. Слава всему существу, этот старинный танец я знала. — А я если и бывал на борту, то флагман шел до ближайшего порта, и только!

Пары в танце поменялись, и я оказалась напротив герцога.

— Ну что? — негромко спросил он, обходя меня по кругу.

— Историй, чтобы занять принца, у меня хватит до послезавтра, — ответила я, склоняясь в реверансе. — Отвлеките Эллу, сударь. Хотя не будет же она вешаться ему на шею?

— Не будет, — кивнул он. — Вдобавок она красива, поэтому... У меня достаточно знакомых и вассалов, чтобы занять ее до полуночи.

— Хорошо, сударь.

Менялись партнеры в танцах, но принц неизменно выискивал меня и порой отстранял кого-нибудь. Мне было стыдно: я пересказывала ему плохие романы и истории, которые наизусть знали все дети в округе... Но я обещала отвлечь внимание принца, и я это делала как умела.

Эллу, я видела, увлекал один кавалер за другим, а его величество — ему что-то нашептал Черный герцог — благосклонно кивал сыну.

— Вы не устали? — спросил принц незадолго до полуночи.

— Немного, — улыбнулась я. — Должно быть, нужна привычка, чтобы танцевать до утра...

— Идемте, подышим свежим воздухом, — пригласил он и увлек меня на балкон. — Как хорошо!

— Да, вы правы, — ответила я. Балкон увивали плетистые розы, в темноте цветы их заманчиво мерцали, багровые и нежно-жемчужные... Я протянула было руку за цветком и тут же отдернула — не хотелось бы порвать перчатку о шипы. — О! Часы уже бьют полночь?

— И что с того? Бал будет длиться, пока не устанут гости, — улыбнулся принц и облокотился на перила. — Сударыня?

— Да?

— Отчего вы не снимете вуаль? Я хотел бы увидеть ваше лицо. Если оно хотя бы вполовину так прекрасно, как ваши речи, я уже влюблен в вас!

— Я некрасива, ваше высочество, — ответила я. — Не стоит портить этот вечер. Не нужно. Вы — наследник престола, а я — княжна из далекой страны, у которой нет ни прав, ни состояния. Если бы я была дочерью правящего князя, дело другое, но тогда...

— Что?

— Ей бы никто не позволил открыть лицо и танцевать на балу, — с улыбкой ответила я.

— Но на вас тоже вуаль!

— Вуаль, а не глухое покрывало. Вы же различаете черты лица, пусть и смутно, видите губы? Этого не должно быть. И волосы показывать тоже нельзя. И руки... хотя руки у меня закрыты, — серьезно сказала я. — Незамужней девушке не пристало так себя вести. И уж тем более разговаривать с мужчиной наедине!

— Теперь я обязан жениться? — фыркнул принц.

— Не стоит, право...

— Вы не желаете стать принцессой?

— Нет, благодарю, — ответила я. — Идемте в зал? Я хотела бы еще потанцевать.

— Зачем вы говорите, что дурны собой? — спросил вдруг принц. — Разве дело в красоте лица? В начале бала я танцевал с красавицей, но мне ведь жить не с ее лицом, а с человеком! А вы умны и...

— Я не пара вам, — отчеканила я. — Идемте, сударь, вы забросили гостей, а это неприлично и недостойно наследника престола. Кто-нибудь может подумать, будто вы выбрали в жены меня. Это недопустимо.

— Вы говорите почти как мой... друг, — вовремя поправился он. — Идемте.

Я расправила подол, и он вспыхнул мириадами искр. Звездная пыль осыпалась с моих туфель на каменный пол... Феликс смотрел на меня неотрывно, но мне не было приятно. Я просто делала то, что обещала сделать.

— Ваше высочество, — я придержала его за руку. — Видите вон ту девушку?

— Да, вижу, — недоуменно сказал он.

— Вы можете пригласить ее хотя бы на один круг? Я знаю ее, о танце с вами бедняжка может только мечтать! Пожалуйста, ради меня...

— Только ради вас, — улыбнулся он и через минуту уже протягивал руку Агате. Как она не упала в обморок, ума не приложу. Тетя — та упала. Правда, ее успел подхватить какой-то солидный военный в пышном мундире.

Я вышла, подождала, пока подадут карету, а уже сидя в ней, сняла туфлю и подала слуге.

— Бросьте на лестнице, — сказала я. Нужно было соблюдать условности. — И уезжаем, скорее!

Карета тронулась, а тьма рядом со мною сгустилась.

— Неожиданно, — сказала Фея Ночи. — Я уж было испугалась — ты слишком решительно увела принца, не оставив бедняжке Элле шансов. Чары там, не чары... если ума нет, не поможет. И как это было изящно — улизнуть в одной туфельке!

— У меня есть еще пара, — ответила я.

— У тебя-то есть, а у твоей кузины? — улыбнулась она. — Ей эти туфли малы.

— Ну и что ж с того? Чаши весов снова покачнулись, так?

— Да, причем настолько сильно, что я, пожалуй, сумею выполнить одно твое желание. Небольшое.

Я подумала, помолчала, потом сказала:

— Пускай мне завтра дадут выспаться. Кур я сейчас накормлю и...

— Хорошо, — сказала Фея Ночи. — Будь по-твоему.

— Ну и соня же ты, — ворчливо сказала тетя, отчаянно зевнула и взяла булочку. — Едва дозвалась тебя!

— Простите, — я опустила глаза, теребя край фартука. — Не ругайтесь, тетушка... Я сделала все, что вы велели, а потом побежала ко дворцу посмотреть на бал... Стражники пустили меня в сад, чтобы посмотреть в окно, там много было таких девушек...

— Ах, что за бесстыдство! — воскликнула она. — Наверно, еще и денег потребовали?

— С красивых девиц они брали поцелуй, а меня пустили задаром, — ответила я и добавила: — Я видела, как кузина танцевала с принцем.

Агата покраснела и закрылась руками.

— И да, тетушка, вы не ушиблись? Вроде бы вас поддержал какой-то военный, я не разбираюсь в этих мундирах, да и видно было плохо — окна запотели...

— Да, генерал Молло, очень достойный господин, — смущенно ответила она. — Присядь, Маргрит, что ты стоишь столбом!

Я присела на краешек стула.

— Принц весь вечер танцевал с какой-то иностранкой... Что он в ней нашел, ума не приложу — худющая, лица не видно, но вот драгоценности... — тетушка приложила руку к груди. — Если бы я не знала, что Гастон давно мертв, то сказала бы, что это вещи его работы!

— Почему нет, тетушка? Вдруг папа сделал эти украшения давным-давно? — заметила я. — Да и купить их мог кто угодно.

— И правда, — кивнула она. — Так вот... когда его высочество пригласил Агату, я обомлела!

— Я чуть не умерла, — выговорила кузина. В ее глазах сияли звезды, и я понимала: даже если она выйдет замуж за торговца или ремесленника, это чудесное воспоминание навсегда останется с нею. Пускай даже мечтой о несбывшемся и несбыточном... — Я даже помыслить о таком не могла, Маргрит!

— Я видела, — повторила я. — Ты была так хороша, Агата!

— Правда? — выговорила она. — Ох... Маргрит, я двух слов связать не могла, но... но я хоть хорошо танцевала?

— Мастер Дит недаром брал деньги за уроки, — сказала я и встала. — Пойду приберусь на кухне да сбегаю в лавку — спичек почти не осталось.

— Да, иди, — кивнула тетушка и вдруг окликнула: — Возьми еще денег, Маргрит! Купи себе что-нибудь... ну, не очень дорогое.

— С вашего позволения, тетушка, — ответила я, — я закажу башмаки на осень, мои совсем прохудились.

Она кивнула, а я сперва ушла на кухню, потом собралась и отправилась к дядюшке Уолдо.

— А, Маргрит! — встретил меня старый мастер. — Ну как туфельки пришлись?

— Будто волшебные, — улыбнулась я в ответ. — Ног под собой не чуяла, они сами в пляс пошли!

— Ну-ну, — он подвинулся ближе, — свела знакомство с кем-нибудь?

— Не поверите — с самим принцем танцевала! Ну да я не одна такая, кузина тоже

удостоилась чести... Только — тс-с-с! Я больше всего боялась, как бы с теткой и кузиной не встретиться нос к носу.

— Само собой, — заулыбался старик. — Ну принц-то не про твою честь, а что прочие? Приглашали, поди?

— Нашлось несколько, кто моей физиономии не испугался, да и вуалька помогла, это вы хорошо посоветовали... Да только как я с ними встречусь? — пожалала я плечами. — А встречусь — не узнают.

— Ну ладно, недолго уж ждать-то. Скоро будешь сама себе хозяйкой.

— И то верно... Дядюшка Уолдо, а стачай, пожалуйста, точно такие же туфли, как мне, только для Агаты. Вот ее старый башмачок для мерки, а вот деньги...

— Зачем? — нахмурился он.

— Пожалуйста, — попросила я. — Чтобы не отличить от моих было, только размером побольше, и поскорее! Потом расскажу зачем, а теперь мне нужно бежать!

— Да сделаю... — протянул он. — Что у тебя за придумки, в толк не возьму...

Ну а дома, когда я закончила хлопотать по дому и хотела уже лечь спать, ко мне постучалась Агата.

— Что случилось? — спросила я.

— Можно? — Агата шмыгнула носом. — Я на минутку!

Я отворила дверь, и зареванная кузина бросилась мне на шею. Что с ней такое? Никогда она так не поступала!

— Маргрит, — всхлипывала она, — как теперь быть? Лучше бы я вовсе не попала на этот бал, будь он проклят...

— Не ругайся, — машинально одернула я. — Иди сюда. Что случилось?

Вместо ответа Агата снова разрыдалась.

— Мама хочет выдать меня за господина Нейси, — сказала она наконец, — а он уже старый, первая его жена умерла родами, и сам он такой... ну...

— Неприятный, — помогла я, глядя Агату по спине.

— Да, но богатый... А я не хочу, Маргрит! Я тебе завидую...

— Мне?! — поразилась я.

— Да! — Агата подняла голову и утерла слезы. — Станешь совершеннолетней — выйдешь за кого захочешь!

— Ну конечно, много найдется желающих на бесприданницу с моим лицом... Ты вон хорошенькая, — сказала я, — а я что?

— Ты зато умеешь все по дому делать, а я... — Агата ссутулилась. — Я тут думала: если я сбегу из дома с каким-нибудь юношей... Да я не знаю даже, как кашу сварить! А если вдруг ребеночек? Как справиться без няnek и служанок?..

Я молчала.

— Ты ведь встаешь очень рано? — спросила вдруг кузина, и я кивнула. — Разбуди меня. Я буду тебе помогать. Только не говори маме!

— Не скажу, — ответила я, — но ты испортишь руки.

— Я всегда могу надеть перчатки, — ответила Агата, и ее голубые глаза вспыхнули.

— Как скажешь. Только за покупками мы вместе не пойдем.

— Конечно, не то мама сразу узнает! — испугалась она. — Ну... нет, можно сделать так: я скажу, что хочу сама посмотреть кружево или что-то вроде, а ты будешь со мною. Ну а по пути заглянем в другие лавки, чтобы тебе не ходить еще раз!

— Так, пожалуй, получится, — усмехнулась я. — Только почему ты плакала? Ты так и не сказала.

— Из-за принца... — ответила Агата, а я и не удивилась. — Он... он был такой...

— Я видела, — напомнила я, — пусть даже через окошко.

— Больше мне его никогда не видать, — сказала кузина и понурилась. — Разве что мельком. Ну, может, на его свадьбу снова допустят всех горожан... Или он проедет мимо... Говорю, зря я упростила маму пойти на бал.

— Почему?

— Пока я его не увидела — просто думала о нем как о герое из книги, сочиняла истории о любви, — вздохнула Агата. — А он, Маргрит, совсем не такой, каким я его придумала! Мы и перемолвились-то парой слов, говорю, я дар речи потеряла, но... Он не герой из книги, он живой, смешной такой, добрый, и не скажешь, что принц! Все равно никто не поверит...

«Я поверю, — подумала я и обняла кузину. — Феликс в самом деле смешной и добрый, наверно, потому что еще не сел на трон. Отца его я не знаю, но вряд ли он позволит сыну совершить глупость, а обок с принцем всегда Черный герцог, который не даст ошибиться и пропасть...»

При мысли о герцоге у меня всегда что-то сжималось в груди. Я думаю, от страха.

— Я пойду с тобой завтра, ладно? — попросила Агата.

— Лучше отдохни, мне завтра только воды принести нужно, — сказала я. — А ты пока уговори свою матушку, чтобы отпускала со мной за покупками. Раз она хочет выдать тебя замуж, тебе нужно знать, где что продается и почему, а то тебя служанки обманывать станут. Ну а люди вроде господина Нейси счет деньгам знают и просто так ими не швыряются! Так и скажи, если спросит, что за блажь на тебя напала. А если выйдет, через день пойдем за покупками, раз тебе так хочется...

— Вот здорово! — Агата заулыбалась и вскочила. — Ты такая умница, Маргрит!

«К этому уму еще бы красоты», — подумала я, укладываясь спать.

— Захотелось стать красавицей? — нежно спросила Фея Ночи из темного угла.

— Нет, сударыня. Проживу с тем, что есть, — ответила я. — Как ваши весы?

— Не мои, — поправила она. — Пока они в равновесии, но колеблются как-то очень уж странно... Спи. Пока ничего не происходит...

И я уснула, потому что чудовищно устала за эти дни, а снился мне бальный зал, яркие огни и глаза мужчины напротив — темные, настороженные...

При мысли о том, что я встречу у колодца Черного герцога, у меня холодело внутри. Не знаю почему: я сделала то, чего он хотел, не провинилась ни в чем, но...

У колодца его не было. Я отнесла воду домой — тетушка еще спала, — показала Агате, которая мужественно встала в одно со мною время, как перебирать крупу, а еще попросила полить зелень на заднем дворе, и пошла к старой иве.

Я угадала — герцог был там. Он сидел на моем любимом месте, и лицо у него было усталым.

— Я знал, что ты придешь, — сказал он, поднявшись навстречу.

— Я надеялась застать вас здесь, — ответила я.

Воцарилось молчание.

— Принц ищет свою незнакомку, — негромко произнес герцог. — Она потеряла туфельку на ступенях дворца, когда бежала прочь. Таких крохотных туфелек не носят и принцессы, поэтому та, кому она придется впору...

Я покосилась на свои ноги в старых башмаках. Очень маленьких, дядюшка Уолдо говорил, что у его внука и то нога больше!

— Ты не выйдешь замуж за принца, — вдруг холодно сказал герцог. — Даже думать забудь!

— Зачем мне ваш принц? Я размышляла о том, как не дать ему жениться на Элле. У нее нога вряд ли намного больше моей. Сударь, — сказала я, — вы ведь сумеете подменить туфельку?

Он нахмурился.

— Полагаешь, принц не заметит подмены?

— Туфелька будет точно такой же с виду, разве что чуть больше размером... и подойдет не одной девушке в этом королевстве.

Герцог усмехнулся.

— Пожалуй, это хороший способ избавить Феликса от романтических мечтаний, — сказал он. — Он настаивал только на темноволосых и худощавых девицах, но я объяснил ему, что существуют парики, краска для волос и корсеты, поэтому придется перебирать всех присутствовавших... Ах да, он сказал еще, что у княжны славная улыбка, так что постарайся не скалиться, если вдруг примерщики доберутся и до твоего дома!

— Лучше вы постарайтесь устроить так, чтобы они начали с нашего квартала, а не с того, что за ратушей, — не осталась я в долгу.

— Ну, это сделать несложно, — кивнул он. — Все равно этим безумием руковожу я, будто мне больше нечем заняться!

— Сочувствую, сударь, — сказала я. Герцог наклонил голову, и мне виден был длинный шрам у него на затылке — волосы ложились на пробор на этом месте. — Вы устали?

— Да, — без тени смущения ответил он. — Не люблю празднества. Уже подумываю о том, чтобы, как в юности, улечься подремать прямо здесь, на траве.

— Отчего нет, отличное убежище, — пожала я плечами. — Земля еще достаточно теплая, ну или коня вон расседлайте да возьмите попону...

— Чувствую, очень скоро я так и поступлю...

— А что вам мешает, сударь, заявить, что туфельку вы примерили, только она никому не

подошла? — задала я давно интересующий меня вопрос.

— А ты полагаешь, я езжу с этим дурацким поручением один? Я могу спойть сопровождающих или отсыпать им горсть монет, но все равно любой из них способен доложить принцу, если решит, что ему перепадет награда.

— Тяжко жить, когда никому не доверяешь? — спросила я негромко.

— Ты будто не знаешь сама? — ответил он вопросом на вопрос и похлопал рукой в перчатке по своему насесту. — Сядь, не стой столбом. Что ты смеешься?

— Вы говорите в точности, как моя тетушка, — улыбнулась я и присела на торчащий корень. Герцог же опустил наземь, прислонившись спиной к древесному стволу.

— Продай мне то ожерелье, — сказал вдруг он. — Я заплачу столько, сколько предложила матушка твоему отцу. Или больше.

— Зачем оно вам?

— Отнесу ей.

— И запрете в склепе? Нет, сударь, не просите, не продам.

Герцог поднял голову, посмотрел мне в лицо — глаза у него были холодные и недобрые.

— Я могу и отобрать.

— Скажете, что я воровка? Но вы не знаете, где я прячу этот гарнитур, а я так просто не сознаюсь. Прикажете отхлестать плетью прилюдно? Или станете пытаться? Ах да, вы же не пытаете женщин, — припомнила я.

— Что ты понимаешь... — негромко сказал он и прикрыл глаза.

— Может быть, и ничего, но отец говорил, что драгоценностям не место в запертых ларцах, и делал их, чтобы эти украшения носили, а не оставляли в могилах. Вот, я смогла исполнить его желание: «Лунная ночь» увидела свет, уж простите за неловкий каламбур. Я могу продать этот гарнитур кому угодно, но не ради того, чтобы эти вещи радовали покойников, — завершила я речь... и поняла, что зря сотрясала воздух: Черный герцог уснул, и будить его мне не хотелось. Вдобавок пора уже было возвращаться.

Дома Агата показала мне, сколько успела разобрать крупы, а еще сказала, что полила зелень и накормила кур. И даже попыталась вымыть посуду, но — не имея к этому ни привычки, ни умения — не преуспела, хотя очень старалась, а в результате разбила две тарелки.

— Дай покажу, как это делается, — вздохнула я. — Бери полотенце, будешь пока вытирать. Потом пойдем наколем дров. То есть я наколю, а ты поможешь носить, раз уж решила помогать...

— Я должна знать, как это делать, — упрямо сказала Агата, перетирая тарелки. — А то как я пойму, лентяйничает служанка или нет? Ты не станешь, это уж точно, а наемная?..

Она вдруг замолчала.

— Держи, — сунула я ей очередную миску. — Агата?

Кузина по-прежнему молчала.

— Это же твой дом, — сказала она наконец. — Дом твоего отца. Я помню дядю Гастона, он был добрый... И ты тогда отдала мне свои игрушки. А потом...

— Что было, то прошло. — Я отобрала у нее полотенце и вытерла оставшуюся посуду. — А кто старое помянет... сама знаешь. Не беспокойся, я вас не выгоню, если ты подумала об этом.

— Мама наш старый домик сдает в аренду, так что с голоду мы не умрем, — мрачно ответила Агата, — особенно если я замуж выйду. Но ты-то... Ты же должна быть как я! Ну то

есть учиться, музыкой заниматься, танцевать! А ты все время на кухне!

Я подивилась про себя: с чего это вдруг кухню так разобрало? Вслух же ответила:

— Я наверстаю, не переживай. А когда тетя собирается объявить о твоей помолвке?

— Точно не знаю, но скоро — это помолвка... А так она хочет подгадать, чтобы сыграть свадьбу до того, как ты получишь наследство. — Кузина присела на топчан, ее светлые кудряшки растрепались. — Маргрит, как быть? Ну то есть я хочу замуж...

«Подальше от мамы», — дополнила я, начищая кастрюлю.

— Но не за господина Нейси! За него даже Элла по доброй воле не пошла!

— Ты откуда знаешь? — равнодушно спросила я.

— Мама сказала, — бесхитростно ответила Агата. — Дескать, он ищет жену не вовсе из простой семьи, трудолюбивую и хозяйственную. Хорошо бы с приданым, конечно, хотя бы небольшим, но и без него можно... Ну и присватался к Элле, только ее мачеха живо господину Нейси дала от ворот поворот! Ну, я слышала от мамы, Элла и сама умоляла не отдавать ее...

— Ну да, если мачеха падчерицу отдаст замуж, кто за домом будет следить? Анна с Марианной, что ли? — фыркнула я. — Ты вон хоть поинтересовалась, что да как, а те, я слышала, вовсе боятся руки замарать. А добром идти за него...

«А может, для Эллы это было бы выходом? — подумала я. — Хотя нет. Из одной кабалы в другую...»

— А что говорят в городе? — спросила Агата. — Выбрал принц себе невесту или нет?

— Выбрал, только отыскать не может, — усмехнулась я. — Она сбежала с бала, потеряв на лестнице туфельку, прямо как в сказке. Ну а принц юноша романтичный, поэтому...

— Кому подойдет туфелька, та и станет его женой?

— Да. Но это сплетни слуг, Агата, а что там на самом деле, я не знаю. Откуда бы мне? Держи поднос. Смотри, чайник ставят вот так... теперь чашки...

После бала кухню будто подменили: вечно витающая в облаках и порою капризная девушка взялась за себя. «Я должна», — твердила она, только не поясняя, что и кому должна, просто приходила ко мне на кухню, смотрела, как я готовлю, помогала по мере сил. Толку от Агаты было мало, но что-то вымыть, почистить или порезать она могла. До вовсе уж грязной работы я ее не допускала: тетушка мигом заметит, что руки у дочери не в порядке.

А вот в лавку мы с нею ходили, и Агата неплохо делала вид, будто она со мною просто по необходимости: задирать нос и кривить губы у нее получалось отменно. Однако я точно знала, что кузина внимательно следит за тем, как я выбираю мясо, рыбу и овощи, как торгуюсь и как разговариваю с торговцами. Теперь, правда, сложнее стало утаивать деньги, но у меня пока имелись герцогские золотые, которые я и не думала тратить. На что, скажите на милость? Башмаки я купила с позволения тетушки — тачал их все тот же дядюшка Уолдо, — ну а платья были еще вполне приличными. Ходить с заплатками, как Элла, я бы себе не позволила, разве что вовсе не сумела бы заработать себе на одежду.

Время шло, ночи становились холоднее, а принц, по слухам, все не отказывался от своей затеи. Даже его отец сказал, мол, пускай, найщется — присмирееет. Это слышал камердинер, который сказал горничной, которая рассказала кухарке... Словом, как обычно.

Ни принца, ни герцога мы с Агатой больше не видели. Я говорю «мы», потому что кузина решительно преодолела сопротивление матушки и уже постоянно ходила со мной за покупками. Тетушка, впрочем, отнеслась к этому благосклонно: Агата под надзором, заодно научится выбирать товар... Товар все же выбирала я, потому что оставляла кузину у старьевщика — копаться в старых книгах, — а сама шла по другим лавкам. Спасибо, она помогала нести покупки. По воду, конечно, Агата не ходила, но жить стало немного легче: пока я занималась стряпней, кузина могла перебирать крупу, раскладывать яйца, резать овощи, разбирать белье для стирки, наконец. Тетушка нарадоваться не могла на проснувшуюся в дочери хозяйственность, а то все сидела, уткнувшись в книгу!

Я же изредка вынимала свою куклу и тут же прятала обратно. В таких делах волшебство не поможет. Да и о чем спрашивать? И так весь город знает: принц ищет пропавшую незнакомку...

Удручало меня только одно: я никак не могла передать герцогу другую туфельку. Я приходила под иву чуть не каждый день в одно и то же время, я оставила ему там записку, прицепив на обломанную ветку, но его все не было. Будто не его так волновало, на ком намерен жениться принц!

«Как его найти?» — задумалась я и поспрашивала у знакомых служанок. Уж они-то наверняка знали, где живет герцог и кто у него служит! Ну а отговорилась я интересом кузины: она ведь вправду была на балу, только, дескать, глаз положила не на принца...

— Агата, я уйду ненадолго, — шепнула я кузине, когда тетушка прилегла после обеда. — Если что, скажи, я подалась в лавку за солью, снова забыла купить, бестолочь такая!

— А я не напомнила, тоже бестолочь, — улыбнулась она. — Ты на свидание, а, Маргрит?

— Нет, по делу, — ответила я, но ясно было, что кузина не поверила. — Пригляди за очагом, только смотри не обожгись!

— Я уже приспособилась, — заверила Агата. — Беги скорей, я и посуду перемою... а если что разобью, сама маме скажу.

Я кивнула и направилась в верхнюю часть города, к особнякам знатных господ. Вот и обиталище герцога Барра — не сказать, чтобы красивый, безликий дом, таких десятки в этом квартале. Сад, кажется, давно был заброшен, а на стук в заднюю калитку отозвались не сразу.

— Чего тебе? — не приветливо спросил пожилой слуга.

— Госпожа просила передать кое-что его светлости, — ответила я, опустив глаза. — На словах.

— А... ну входи, только вряд ли ему сейчас есть до этого дело.

— Почему?

— Его светлость болен, — ответил он.

— Какое несчастье... — посетовала я. — Неужто простыл? Немудрено по такой погоде, а господу вечно носятся верхами нараспашку!

— Нет, просто лихорадит, — чуть смягчился слуга, провожая меня. — Рана воспалилась,

как доктор говорит.

— Бог мой, рана-то откуда? — поразилась я.

— Дуэль... у господ за косою взгляд да дурное слово дуэль полагается, не знаешь, что ли? — вздохнул он. — А тут кто-то о его высочестве нехорошо высказался, господин и не сдержался... Обидчика уже, поди, закопали, а его светлости неможется...

— Я о таком и не знала, — солгала я. — А госпожа моя себе места не находит, куда запропал? Хоть скажу ей, а то и сама извелась, и всю челядь замучила!

— Это дело обычное, — философски ответил слуга и остановился. — Пришли. Как господину-то доложить?

— Скажите прозвище такое же, он поймет, — попросила я. И верно: через минуту слуга выскочил из комнаты обратно, кивнул мне, и я вошла.

Запах. Этот запах...

Я попыталась дышать ртом, но запах все равно никуда не делся — так пахло в спальне, где умирал мой отец. Так пахли его лекарства, и...

— Откуда ты здесь взялась?

Герцог говорил негромко, с расстановкой, чувствовалось, что ему нездоровится.

— Туфелька, — только и сказала я, поняла, что сейчас не выдержу, и рывком распахнула ставни. Дышать стало намного легче.

— Ты же видишь, я не в состоянии... примерять.

— Вас некому заменить? — Я осторожно подошла ближе. Лицо у герцога было — краше в гроб кладут, темные глаза лихорадочно блестели, волосы на висках слиплись от испарины.

— Феликс доверяет только мне... Дай напиток...

Я взяла кувшин — тот оказался пуст, — и подошла к дверям.

— Принеси воды, — сказала я мальчику, дежурившему у порога. — Набери прямо из колодца и носи скорей сюда... вот тебе монетка!

— Не надо, я и так принесу, — пожал он плечами, но монетку все же взял.

— Так беги скорее! Да сполосни кувшин, прежде чем наливать!

Мальчишка обернулся живой ногой, и я дала герцогу напиток холодной чистой воды.

— Будто проклял кто, — сказал он, отдышавшись. — Давно со мной такого не приключалось!

— Это на дуэли? — осторожно спросила я, глядя на повязку.

— Если бы! — герцог поменял позу и зашипел. — Стыдно сказать — свалился с коня и пропорол руку... Браст понес ни с того ни с сего, а я не ожидал, привык, что он меня без слов понимает. Слугам, ясное дело, сказал — дуэль. Тем более что она тоже имела место, но противник до меня и не дотронулся...

— А кости целы?

— Целы. А что? Ты и в этом разбираешься? — приподнял он бровь. По глазам видно было — не верит он мне.

— Нет, но когда старика Дэви чуть не насмерть затоптал племенной бык, я помогала соседкам за ним ухаживать. Лекарь хотел отнять ногу совсем, да мы не дали. Дэви сильно хромает, но жив ведь...

— Да, смотрю, девицы из предместий — просто кладезь талантов, — усмехнулся он. — Поддай флакон.

— Не надо, сударь, пожалуйста! — попросила я и добавила в ответ на вопросительный взгляд: — Мой отец умер из-за этого снадобья. Тетушка давала ему все больше и больше, и

под конец он вовсе перестал просыпаться... Так и умер во сне.

— А что с ним случилось? — спросил герцог, устроив больную руку поудобнее. — Я полагал, он скончался от старости.

— Ну что вы, сударь... Ему едва сравнялось пятьдесят, какая уж тут старость.

— И все же? Да присядь ты... — тут он невольно улыбнулся. Надо сказать, улыбка его красила. — Не стой столбом.

Я придвинула поближе стул с модными гнутыми ножками — как по мне, крайне ненадежное сооружение, даже подо мной он поскрипывал, а под герцогом, наверно, вовсе мог развалиться, сядь тот с размаху.

— Папа болел, — сказала я, помолчав. — Лекарь говорил: если бы эта болезнь оказалась в ноге или руке, можно было бы их отнять, тогда папа бы пожил еще. Но она оказалась глубоко внутри, не отрежешь...

— Лекарь у вас с какой-то болезненной страстью все отрезать, — фыркнул герцог.

— Не он один так говорил. Тогда мы жили не бедно, приглашали даже придворного лекаря, он сказал то же самое. Ну разве что денег за визит взял втрое больше.

— И что же, по-твоему, не так с этим снадобьем?

— Оно отнимает разум, — сказала я и, сама не знаю зачем, рассказала о своих догадках.

— Поверь, Маргрит, в юности я пробовал подобные зелья, но только раз, потому что больно уж мерзко терять рассудок по собственной воле, — без тени улыбки сказал герцог, выслушав мою историю. — Это не как от вина, нет, но не проси объяснить в подробностях, не сумею. Видится, конечно, всякое, в голове легко и пусто... а как очнешься — будто неделю пил без просыпу, колотит в ознобе и мутит, а что в голове творится, и описать не могу.

Я молчала.

— Это не оно, — кивнул он на флакон. — Это болеутоляющее, и если мне нужно всего две капли, чтобы не маяться от этой дрянной раны, то твоему отцу требовалось куда больше. Если я верно понял, о какой болезни идет речь, умирать он должен был долго и мучительно.

— Он и так умирал долго. Говорю ведь, под конец тетушка наливала ему эту мерзость чуть не стаканами, и он не приходил в себя...

— А ты бы предпочла, чтобы он сутками кричал от нестерпимой боли? — холодно спросил герцог, и я осеклась. — Я понимаю, ты думаешь, что твоя тетка нарочно уморила его, но, сдается мне, это не так. Чем дальше заходит болезнь, тем хуже делается человеку, я не удивлюсь, если твой отец сам просил добавить ему лекарства.

— Понятно... — я отвела глаза. Мне как-то в голову не приходило поговорить об этом с тетушкой.

— Сколько тебе тогда было лет?

— Еще не сравнялось шестнадцати, но какое это имеет отношение... Впрочем, не говорите. Я и так понимаю, что была еще слишком глупа и многого не понимала.

— Вот именно. Возможно, корыстный интерес у твоей тетушки и имелся, но вряд ли она убивала твоего отца намеренно. А помощник аптекаря вряд ли знал, чем болен мастер Гастон, потому и удивился...

— Может быть, вы правы, — кивнула я.

— Кузина твоя, должен сказать, очень миловидна, — добавил он вдруг ни с того ни с сего.

— Да, сударь, не чета мне, — улыбнулась я. — Правда, она в глубокой печали: тетушка собирается выдать ее замуж.

— Это трагедия, — согласился герцог. — И подай мне наконец флакон! Болтовня, конечно, отвлекает, но не до такой степени.

Спорить с ним не было смысла — он и сам мог встать и взять лекарство, поэтому я повиновалась. Действительно — всего две капли...

— Вас лихорадит, — сказала я. — Может, в рану попала грязь?

— По-твоему, я не видел ран? — в тон мне ответил он. — Чушь, заживет, и не такое бывало.

Я вспомнила шрам у него на затылке и вздохнула.

— Меня больше интересует, почему взбесился конь... — проговорил герцог. Видно, подействовало лекарство, и ему стало легче. — Браста я взял жеребенком, сам обучал, сам выезживал. Он не дается в руки чужим, если я не прикажу...

— Как собака, — не удержалась я.

— Именно. Он и сражаться умеет, — усмехнулся герцог. — Бывало и такое... А что такое разъяренный жеребец, думаю, ты можешь представить.

— Пожалуй, могу, — кивнула я. — А не могло это быть покушением?

— Кажется, ты перечитала романов.

— Ну ведь не все в них выдумки, сударь. Отчего не может случиться так, что кому-то очень не по нраву ваше влияние на его высочество? Вы сами сказали, что доверяет принц только вам. Ну и отцу, я полагаю, но...

— Ты, должно быть, уже выпросила соседских кумушек о том, кто я таков? — без улыбки спросил он и сел прямо.

— Не кумушек, — ответила я. — Но вы правы, я... поинтересовалась. И...

— Его величество сам отдал сына мне в руки, — негромко произнес герцог. — Мне тогда сравнялось девять, а Феликс едва родился. Больше я ничего не скажу. Ты и так уже знаешь слишком много.

— Простите, сударь...

— За что? Это вовсе не тайна. При дворе все обо всем знают, но предпочитают помалкивать. Сама понимаешь почему.

— Может быть, кому-то надоело помалкивать? — не удержалась я. — Говорю ведь, вы всегда рядом с принцем, он слушает вас как старшего товарища и брата... нет, постойте, не перебивайте! Неужто он не знает, что вы братья? Если при дворе все осведомлены об этом, то принц не мог не узнать! Тем более вы очень похожи на его величество...

— Он знает, конечно... — Герцог запрокинул голову, глядя в потолок. — Правда, делает вид, будто даже не слышал ни о чем подобном.

— А решает за него отец. И вы, верно?

— Да. Только не надо придумывать глупостей о том, что Феликсу надоела наша опека. Может быть, и надоела, но ему так удобно: пока живы его отец и я, ему не о чем беспокоиться. И его величество знает, что при мне с принцем ничего не случится.

— Так, может, кому-то нужно, чтобы нечто случилось с принцем? Когда вас не окажется рядом? Нет-нет, — я подняла руки, — вы снова скажете, что я начиталась романов, но... Я ведь не о покушении говорю. Вы не забыли об Элле? Его высочество ведь снова может проехать мимо нашего колодца, а вас не будет поблизости. Я не представляю, что может сделать та фея, клянусь, но вдруг принц позабудет обо всем при взгляде на Эллу?

— А вот это уже ближе к истине, — подумав, сказал он. — Должно быть, колдунья может заставить послушного коня ни с того ни с сего вздыбиться и понести. Сбрую

проверили, она в порядке, под седлом ничего не было... Не иначе, в самом деле волшебство! Надо вставать, иначе не могу представить, во что это выльется...

— Не торопитесь, сударь, — попросила я. — Я... я попробую что-нибудь сделать. Не знаю, получится ли, но я постараюсь.

— Хорошо, — кивнул он.

— Мне пора. Вот туфелька, спрячьте...

— А вот кошелек, прибери, — сказал герцог, а я и не подумала отказываться. Кошелек оттягивал карман передника приятной тяжестью. — Действуй. Пока я не могу присматривать за Феликсом, хоть ты пригляди за Эллой. Можешь утопить ее в колодце, я не опечалюсь.

— Опечалится весь квартал, сударь — где воду-то брать прикажете? — не осталась я в долгу. — Вот на речке — дело другое, пойдем белье полоскать, и... Зимой особенно хорошо — раз, и ушла под лед. Даже если вытащат, все одно заболает.

— Неужто...

— Слыхала, сударь, был такой случай. Жена разлучницу в прорубь столкнула.

— Пока обойдемся без крайних мер, — серьезно сказал герцог. — Ты... Да, ты умеешь писать, я помню, но не нужно записок. Приходи, будто от своей госпожи — это ты удачно солгала, никто не удивится.

— А если меня кто-то узнает? Лицо приметное, а у слуг языки длинные, мне ли не знать!

— А что, я не мог влюбиться в твою кузину? Она была на балу, она миловидна, а я всегда был не прочь приударить за хорошенькой девицей!

— Конечно, сударь, как скажете, — кивнула я. — Если что-то случится, я приду немедленно.

— Я прикажу, чтобы тебя впускали без вопросов. А теперь иди, не то тебя хватятся. Ну а мне, — он мрачно вздохнул, — нужно прилечь... Скорей бы уж зажила эта дрянь!

— А можно мне зайти на конюшню? — спросила я по наитию.

— Зачем?

— Посмотреть на вашего коня. Ну...

— Опять волшебство? — сощурился он. — Что ж, пока от твоих чар никому не стало худо. Выйдешь во двор — скажи Сиду, что я велел отвести тебя к Брасту.

— Сид — это мальчик? Он тут у дверей на скамеечке сидит, я думала, он у вас на посылках... Или вы о камердинере?

— Мальчик, — недоуменно ответил герцог. — А что он забыл у моих дверей?

— Понятия не имею, сударь, просто сидит. Я попросила его принести воды, он сбегал... Я же не знаю, как заведено в вашем доме!

— Позови-ка его, — неожиданно оживился он.

Я выглянула за дверь и окликнула прикорнувшего в уголке мальчугана:

— Ну-ка, зайди!

— Что вы, туда нельзя... — прошептал он, протерев глаза.

— Его светлость велел тебя позвать, иди живее, пока он не разгневался!

Мальчик — ему было лет десять, вряд ли больше — все норовил спрятаться за моей юбкой, но я подталкивала его вперед.

— Ты Сид, верно? — спросил герцог, внимательно глядя на мальчишку.

— Да, господин, — тот съежился и попытался прикрыть одну босую ногу другой. Был

он вихрастый, рыжий и нескладный, худой, но крепкий, это я почувствовала, когда взяла его за плечи.

— И ты, если не ошибаюсь, сын повара? И место твое на конюшне...

— Да, господин... — Сид вжался в меня спиной, и я невольно погладила его по макушке.

— И что же ты делаешь возле двери?

— Господин Дийси попросил меня побыть тут, а то он глуховат, вдруг не услышит, если вы позовете...

— Не ври. У него слух лучше моего. Ты сам решил тут подежурить?

Сид кивнул. Я почувствовала, как он дрожит, поэтому попросила:

— Сударь, довольно допрашивать ребенка. Ему страшно.

— Я не допрашиваю, я расспрашиваю, — ответил герцог и встал, придерживая больную руку здоровой.

Какой же он высокий, невольно подумала я и вспомнила, как танцевала с ним: герцог Барра вел меня так, что я будто вовсе не касалась пола, а голова шла кругом...

«Опомнись, Маргрит!» — приказала я себе.

— Сейчас ты отведешь эту девицу на конюшню, — сказал герцог Сиду. — Потом пойдешь к Дийси и скажешь, что я приказал одеть тебя пристойно. И обувь, кстати. А перед этим — вымыть со щелоком и постричь покороче. После этого придешь сюда, я скажу, что тебе делать дальше. Ясно?

— Господин... — Сид явно не верил своим ушам.

— У тебя вроде бы есть еще братья? Сколько им?

— Самому старшему восемь, господин.

— Возьми его с собой на конюшню, покажи, что да как. Он тебя заменит со временем.

Сид молчал, вцепившись в мою руку.

— Что встали, идите, — кивнул герцог. — Маргрит... рассчитываю на тебя.

— Сделаю, что сумею, сударь, — ответила я и потянула мальчика за собой. — Ну, идем! Покажи мне Браста, ведь его так зовут?..

Конь был хорош, что и говорить! Я не разбираюсь в лошадиных статях, но Браст был ослепительно красив — вычищенный до блеска, с расчесанной гривой... Насколько я сумела разглядеть — заходить в денник как-то не хотелось — следов на спине у него не было, так что версия с подсунутым под седло камушком действительно отпадала. Конь казался спокойным, потянулся меня обнюхать, а вот при попытке его погладить — отпрянул и прижал уши. Сиду он в руки давался, но того-то конь давно знал.

— Никто чужой сюда не заходил, — сказал мальчик, потрепав Браста по бархатному храпу. — Я бы заметил, я тут ночую, а то дома мелких много, всю ночь спать не дают.

Меня он не боялся, я была ровней — такой же прислугой, разве что годами постарше.

— Да и Браст бы тарарам устроил, он такой, — добавил Сид. — А...

— Маргрит, — назвалась я.

— Ага, ну а я Сид, вы знаете... И сбрую я всю вычистил и проверил, как конюх велел. Он сам еще посмотрел и щелбан мне дал: я одну бляшку пропустил нечаянно. Не знаю, отчего Браст понес...

Он понурился, а я сказала:

— Ты не виноват. Ты сделал, что должен был, вот и молодец. Теперь, видишь, его светлость тебя к себе потребовал. Не зевай, авось выслужишься!

— Я иногда, когда ночью не спится, мечтаю, чтобы он меня в оруженосцы взял, — застенчиво сказал Сид. — Но я не гожусь, я простолюдин. А купить титул — это мне столько и к старости не заработать! Разве только прикинуться, да я не смогу — даже грамоте не разумею...

— Поговаривают, многие господа вместо подписи завитушку ставят, потому как писать не обучены, — шепнула я. — Иди живо к этому вашему Дийси, отмойся, оденься и будь при господине. И вот что, Сид... Я не всегда могу уйти из дома, тебе-то это проще. Можешь пробегать по утрам мимо колодца на Вишневой улице? Если надо будет передать его светлости что-то срочное, а я не смогу выйти в город, мелом крестик нарисую, тогда приходи ко мне. Найдешь — вниз под горку, возле большой сосны наш дом, сам зеленый, ставни белые, у калитки сирень. Или просто спроси, где дом ювелира Сенти.

— Найду, — кивнул мальчишка. — Притворюсь, что работу ищу!

— Конечно. Все, иди, а мне уже впрямь пора бежать бегом, не то хватятся...

Этим вечером я снова вынула куклу из тайничка. Мне нужен был не совет, а ответ, и я спросила:

— Это крестная Эллы сделала что-то с конем?

Кукла едва заметно моргнула.

— Для того, чтобы герцог не мог быть рядом с принцем? А отчего не убила?

Кукла, казалось, чуть растянула в улыбке нарисованный рот.

— Ах да, она же *добрая* фея... — протянула я и прошлась по комнате, прижимая куклу к груди. — Но ведь он может умереть и от гнилой горячки, и от лихорадки, и от этого лекарства, если выпьет слишком много...

Фея Ночи не подавала никаких признаков жизни.

— Ну хорошо... значит, моя очередь, — сказала я и спрятала куклу обратно.

Подумав немного, я постучалась к кухне.

— Что такое? — спросила она. Кажется, Агата пыталась заштопать чулок, и хоть получалось у нее плохо, я промолчала. Я тоже не с ходу научилась стряпать и чинить вещи.

— Пойдешь со мной завтра по воду?

— Ну... а зачем? Ты все равно не даешь мне ведра носить.

— Я слышала от кухарки господина Тимме, что принц завтра собирается на охоту, а когда он едет на охоту, то, бывает, срезает дорогу через наш квартал, так что...

— Вдруг увидим! — Агата подскочила и захлопала в ладоши, а потом кинулась мне на шею, разроняв рукоделие. — Какая ты выдумщица!

— Перестань. И подбери нитки с иголками, не то наступишь, — сказала я, отстраняясь. — И тише, тетушка услышит...

Кухина кивнула и полезла под кровать за катушками ниток, а я вышла на задний двор.

— Осторожнее, Маргрит, — сказала Фея Ночи, соткавшаяся из теней, особенно густых лунной ночью. — Я не возьму в толк, что ты затеяла, но чаши весов колеблются слишком сильно. Настолько сильно, что я могу выполнить еще одно твоё желание. Или даже два.

— Пускай Черный герцог поправится поскорее, — попросила я. — Мне в одиночку не сладить с этим делом, но я постараюсь сделать, что сумею. Вы ведь можете?..

— Такую ерунду? Конечно, — улыбнулась она. — А для себя ничего не хочешь попросить?

— О чем мне просить? Отца не вернуть... — тут я примолкла, вспомнив слова герцога. — Ума своего хватает, деньги имеются, а красоты... вы же сказали, что не можете наколдовать ее, разве не так?

— Ну а как же другое? Неужто ты не хочешь любви того же принца?

— Наколдованной — не хочу, — ответила я. — Не настолько я страшна, чтобы выпрашивать любовь. А вот если бы принц завтра проехал мимо колодца, когда мы с Агатой пойдем по воду...

— Сушая ерунда. Это все?

— Я только повторю вопрос, можно? С куклой все же разговаривать сложно.

— Конечно.

— Конь герцога ведь понес не просто так, верно? Я видела: это умный зверь, послушный, на нем нет никаких следов, а по словам хозяина Браст понимает его без слов.

Отчего же он вдруг взбесился?

— Я посмотрю, — задумчиво ответила Фея Ночи. — Раз уж загляну к герцогу по твоей просьбе, заодно проведаю и его коня. Самой любопытно, что там такое приключилось... Ну, мне пора, луна уже высоко!

Я кивнула и посмотрела на звезды. Поздней осенью они становятся холодными и колючими, но пока — пока можно было дотянуться до них рукой.

Поежившись, я вошла в дом, помедлила, а потом поднялась к тетушке.

— А? Что? Кто? С Агатой что-нибудь? — вскинулась она, когда я дотронулась до ее руки. — В чем дело, Маргрит?!

— Простите, я думала, вы еще не спите, — сказала я. — Просто хотела спросить... Но нет, это подождет до утра.

— Говори уж, все равно разбудила!

— Правда ли, что папа очень мучился перед смертью? — спросила я. — Я помню только, что он все время спал, не добудисься, но он никогда не говорил, что чувствует...

Тетушка села на кровати. Зажечь лампу она не попросила, и хорошо — мне самой легче было разговаривать в темноте.

— Он сказал, что хочет поскорее умереть, — негромко выговорила она. — Вот поэтому я прятала лекарство и сама выдавала его по часам. Гастон сумел бы подняться и выпить все разом. Или уговорил бы тебя подать ему флакон — что ты понимала в пятнадцать-то лет?

— Вот как...

— Ты решила поговорить об этом только сейчас, когда до совершеннолетия тебе остался год с небольшим? — прямо спросила тетушка. — Тебе уже скоро двадцать один.

— А что, если так?

— Ничего. Я не буду лгать: мне хотелось обеспечить Агате будущее. Я сэкономила на всем, чтобы нанять ей учителей, чтобы она смогла выйти замуж за достойного человека. Ты вряд ли захочешь и впредь видеть нас в своем доме!

— Я вам не родная племянница, так что не нужно оправдываться. Агата вам дороже чужой дочери, и это понятно, — сказала я. — Теперь мне все ясно. Не беспокойтесь, на улицу я вас не выставлю. Впрочем, у вас же есть домик?

— Да... — Тетушка сгорбилась, обхватив себя руками, оборки на ее ночном чепце поникли. — Жильцы платят мало, но на приданое Агате удалось скопить... У тебя есть этот дом, и еще... еще деньги. Я их не трогала, Маргрит, даже не думала: вдруг что случится? Получишь их по завещанию Гастона...

У меня имелись еще и драгоценности, но об этом я говорить не собиралась. Я вполне понимала тетушку: она заботилась об Агате, как отец заботился обо мне. Я-то, со своим домом и деньгами, выхожу не то чтобы завидной невестой, но всяко не хуже прочих — насчет «бесприданницы» я преувеличила.

— Вы могли бы сказать об этом сразу, — произнесла я, присев к ней на кровать. — Знаете, я ведь думала, что это вы убили папу...

— Что?..

Тетушка схватилась за грудь.

— Ты... Маргрит, ты...

— Теперь я знаю, что это не так, — сказала я. — А что до прочего... Это вы велели Агате помогать мне по дому?

— Нет, она сама так решила... — Лицо тетушки в темноте было блее мела, и я

подумала: не сделалось бы ей плохо с сердцем. Нет, обошлось. — И... ей нужно научиться вести дом, Маргрит.

— Лучше бы она училась этому со мною вместе, проку было бы больше. Впрочем, тогда у нее не осталось бы времени на танцы, вышивание и уроки этикета.

— Да, — сказала тетушка. — Именно так. Ты выросла жестокой, Маргрит. И виновата в этом я.

Сейчас, в темноте, она выглядела старой. И еще — темнота будто бы заставляла ее говорить о том, о чем тетушка не хотела даже упоминать.

«Фея Ночи? — подумала я. — Не иначе ее рук дело...»

— Завтра я закажу себе новое платье, — сказала я. — Недорогое, просто новое, не траурное. Вы не возражаете?

— Нет, Маргрит, — сказала тетушка и вдруг взяла меня за руку. — Я хочу попросить тебя кое о чем.

— Да?

— Если со мной что-то случится, позаботься об Агате...

— Тетя... — я встревоженно наклонилась к ней. — Вы же не просто так позволили ей заниматься хозяйством и ходить со мною за покупками! Что случилось?

Она молча покачала головой.

— Ничего... — Тетушка погладила меня по щеке. — Лекарь сказал, сердце мое уже никуда не годится, и в любую минуту... Раньше бы мне к нему обратиться, тогда вышел бы толк, а теперь уж смысла нет. Предупреждал он ведь меня побережись да есть поменьше, но я прослушала... Я так хотела выдать Агату замуж, знать, что она не пропадет, но, боюсь, не успею увидеть ее в подвенечном платье, а уж о внуках нечего и думать...

— Она не хочет выходить за господина Нейси, — сказала я.

— Дурочка, понимала бы что. Была бы с ним как за каменной стеной!

— Тетя, — я устроилась поудобнее, — Агата влюблена в принца.

— Но шансов у нее нет. Он только раз танцевал с нею, и, похоже, просто чтобы не шептались, мол, весь вечер он с одной дамой! Вот и выбрал случайно.

— Ну отчего же... — протянула я и улыбнулась. — Не беспокойтесь, тетя. Я не дам Агате пропасть.

— Прости меня, — попросила тетя Эмилия. — Я...

— Я уже простила, тетя, — ответила я. — Когда поняла, что вы не убивали отца, а старались облегчить его муки. А прочее... чепуха. Жаль только, вы не объяснили мне этого сразу. Тогда нам жилось бы куда легче... Хотя я не поверила бы вам тогда.

— Задним умом все крепки, — тяжело вздохнула она. — Маргрит... Меня хоть прокляни, только не бросай Агату! Домик я переписала на нее, давно уже... Но она ничего не понимает, ее любой обведет вокруг пальца!..

— Дочь ваша, — сказала я, — намного умнее, чем вам кажется, тетя.

— Твоими бы устами... — она замолчала.

— Пойду спать, — сказала я. — Завтра нам с Агатой рано вставать.

Молчание было мне ответом. Молчание и тихие всхлипы.

Я не винила тетушку. Она делала то, что должна была, ради дочери. Теперь настала моя очередь.

— Я и не думала, что это так трудно, — выдохнула Агата, и я перехватила у нее ведро. — Какая ты сильная, Маргрит!

— Привычная, — ответила я без улыбки. — Отпускай, я держу...

К колодцу подошла Элла, поздоровалась и с удивлением посмотрела на Агату: та прежде никогда не ходила по воду.

— Ну что, — спросила я, поздоровавшись, — ходила ты ко дворцу смотреть на бал? Я тебя там не видала. Зато поглядела, как Агата танцует с принцем!

— Он такой... ну... — кузина зажмурилась от избытка чувств. — Наверно, я до старости буду вспоминать тот вечер!

— До тебя он с какой-то иностранкой танцевал, вся черная, как ворона, — сказала я.

— Да, верно, но, должно быть, богатая — какие у нее украшения были, и описать не могу, — покачала головой Агата. — Красота невообразимая, немудрено, что на лицо никто и не взглянет, когда на груди жемчуга в три ряда и сапфиры звездами сияют!

— Ты зато танцевала лучше, не зря училась.

Элла молча слушала нас, набирая воду из колодца, я же тянула время. Фея Ночи, неужто...

Раздался перестук копыт.

— Кого я вижу! — весело сказал принц, придерживав коня. Серый жеребец заплясал на месте. — Все те же красавицы...

Агата отступила на шаг.

— Если вам хочется напиться, сударь, то вы помните, как доставать воду из колодца, — сказала я.

— Дерзкая девушка, — улыбнулся он и спрыгнул с коня. — Помню, конечно... И тебя, красавица, помню...

Элла заметно покраснела.

— А эту крошку я еще не ви...

Принц осекся. Агата смотрела на него в упор, не мигая.

— Если вашему высочеству угодно напиться, то вот, прошу... — сказала она. Клянусь, на ее лице не дрогнул ни единый мускул. — Но вам, должно быть, неудобно будет пить из ведра, будто лошади?

— Ничего, Агата, можно напиться и из горсти, — сказала я. — И достать воды из колодца господа сумеют сами. Идем, не то твоя матушка осерчает.

— Но... — кузина поймала мой взгляд и подняла ведро. — Идем. Нам еще завтрак готовить.

— Пойдите, девушки! — окликнул принц. — Тебя-то я несколько раз встречал здесь, ты неприветливая, тебя — тоже, ты услужливая... А тебя я видел на балу! Верно, я танцевал с тобой!

— Да, ваше высочество, — кивнула Агата, а я отобрала у нее ведро. — Это будет самым лучшим воспоминанием в моей жизни. Глупо звучит, правда же?

— Очень глупо, как в романе каком-нибудь, — улыбнулся он. — Э...

— Кажется, вы проговорились, ваше высочество, — сказала я. — Да, Агата любит читать романы. Неужто и вы...

— Не при всех! — шикнул он и оглянулся. Правда, тут же снова заулыбался, и до того хороша была его улыбка, что я невольно залюбовалась. — Послушайте... Вы живете неподалеку?

— Вон там, у реки, — указала Агата. — Видите большую сосну и дом рядом с нею? Зеленый с белыми ставнями.

— Я запомнил, — кивнул принц. — А знаешь, Агата — тебя ведь так зовут? — ты очень хорошо танцевала. Намного лучше иностранки.

«Еще бы, я же давно не упражнялась», — невольно улыбнулась я.

— Я ужасно боялась наступить вам на ногу, — сказала кузина. — Это было как в сказке, а разве можно портить сказку, наступив кому-то на ногу?

— А разве сказка от этого станет хуже? Разве что веселее... Ну, мне пора! — Принц отошел к своему коню. — Счастливо оставаться, девушки!

«И тебе не хворать», — подумала я. Элла проводила принца долгим взглядом.

— Он меня узнал! — говорила Агата, пока мы шли к дому. — Маргрит, там было столько девушек, а он узнал меня! Маргрит?

— Вскипяти-ка чайник, а я пойду в курятник, — сказала я. — Скоро тетя проснется, а она не любит, когда тянут с завтраком!

— Бегу! — радостно выкрикнула кузина и потащила воду на кухню.

Я обшаривала гнезда несущек и думала о том, что случилось только что. Принц видел всех троих на балу, но узнал только Агату, и немудрено — и я, и Элла были спрятаны волшебством. Вот и доверяйся ему, улыбнулась я про себя, понадобится — а тебя и не признают!

— Верно мыслишь, — сказала из темного угла Фея Ночи.

— Вы?.. Но ведь день на дворе!

— Но тут тень, — ответила она. — Мне ведь необязательно воплощаться, чтобы поговорить с тобой. Я уже ничего не понимаю, Маргрит. Чаши весов то замирают, то колеблются совершенно непредсказуемо. Но это даже интересно... Продолжай свою игру.

— Хорошо, — кивнула я. — А вы побывали у герцога?

— Конечно, это недолго... — темнота усмехнулась. — Проснется здоровым. Рана и впрямь была скверная, видно, свалился на какой-то гнилой сук. Он бы и сам справился, но не так быстро.

— А конь? С ним что?

— А вот коня и впрямь кто-то напугал, — задумчиво произнесла Фея Ночи. — Здесь ты не ошиблась. Не могу утверждать наверняка, но, похоже, это дело рук моей славной знакомой...

— Я уже думала о том, что она добрая фея, — сказала я. — И не могла навредить напрямую. Но напуганной лошади ничего не сделается, а вот если всадник упадет и поранится, так сам виноват, не удержался... Я верно рассуждаю?

— Да, Маргрит. Похоже, охота на принца будет опасной, — не без тени азарта в голосе ответила она. — Будь осторожнее. Главное — равновесие, не забывай. И готовься к худшему.

— О чем вы? — насторожилась я.

— Весы качнулись. Не в нашу сторону, — сказала она. — Кажется, кое-кто пытается применить запрещенные средства, ну да с этим я разберусь сама. Остальное — на тебе.

Она исчезла, а я взяла корзинку с яйцами и пошла на кухню. Надо было научить Агату хоть яичницу жарить, а то ведь зачахнет от голода над полным ларем с припасами, случись

что со мной или с ее матерью...

Тетушка умерла месяц спустя.

На похороны пришли лишь несколько человек, ну и мы с Агатой стояли, обнявшись, над могилой.

Кузина не плакала.

— Что мне теперь делать? — прошептала она, еще когда тетушку обмывали и собирали в последний путь соседки. — Маргрит?

— Что и обычно. Будешь жить со мной, — сказала я.

Это было опасно: обе мы несовершеннолетние, вдобавок не кровные родственницы. И если мне оставалось подождать всего ничего... Даже тогда я не смогла бы взять опеку над Агатой.

— Маргрит, только не отдавай меня замуж, — попросила она на кладбище. — Мама обещала меня господину Нейси, но... Я все-все буду делать по дому, я научусь, правда!

— Не отдам, глупая, у меня и права такого нет, — вздохнула я. Шел дождь, кругом было серо и гадко, даже рано начавшие опадать золотые листья под ногами уже превратились в бурую склизкую кашу. — Идем домой. Скорей, не то простынешь...

Я знала, как быстро разносятся сплетни в нашем предместье, поэтому медлить не стала. Уложив Агату и удостоверившись, что она крепко спит, я вышла в ночную темень.

[Купить полную версию книги](#)